

На правах рукописи

Крылов Вячеслав Николаевич

**РУССКАЯ СИМВОЛИСТСКАЯ КРИТИКА (1890 – 1910-Е ГГ.):
ГЕНЕЗИС, ТИПОЛОГИЯ, ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК**

Казань

2007

Работа выполнена на кафедре русской литературы
ГОУ ВПО «Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина»
Министерства образования и науки Российской Федерации

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Федотов Олег Иванович;
доктор филологических наук, профессор
Михайлова Мария Викторовна;
доктор филологических наук, профессор
Карпов Игорь Петрович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Саратовский государственный
университет им. Н.Г.Чернышевского»

Защита диссертации состоится 12 ноября 2007 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.14 при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35 (2-й учебный корпус), ауд. 1306.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (Казань, ул. Кремлевская, д. 35).

Автореферат разослан « » 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук
доцент

Козырева М.А.

Общая характеристика работы.

Актуальность исследования.

Литературная критика символистов остается наименее освоенной частью их творческого наследия. Это особенно показательно в сравнении с плодотворным и активным изучением символистской поэзии, прозы и драматургии.¹ Между тем очевидно, что представление о литературной жизни того или иного периода будет недостаточным без выявления роли и места критики. На всех этапах развития русской литературы, начиная с XVIII века, критика в системе историко-литературного процесса играла значимую роль как составной элемент литературной жизни, форма самосознания литературы, организатор общественного мнения, «движущаяся эстетика» и т.д. Это имеет особое отношение к тем периодам истории литературы, которые отмечены активностью писательских выступлений в роли критиков (романтизм, Серебряный век). В насыщенной картине литературно-критического процесса рубежа XIX-XX вв. символистская критика была одним из ведущих и значимых направлений.

Критика символистов представляет исследовательский интерес и как составная часть творческого наследия, и как отдельная страница в истории русской литературной критики. Выявление достигнутого символистами в области критики дополняет картину многообразия творческих поисков в переходный этап литературного развития, способов контакта с читателем, жанровых форм, экспериментаторства и всего того, что связано с феноменом русского символизма..

Научное изучение символистской критики было начато Д.Е. Максимовым. Статья «Критическая проза Александра Блока», вышедшая в первом Блоковском сборнике 1964 года, и книга «Поэзия и проза Ал. Блока» остаются лучшим обобщающим исследованием о символистской критике.

Исследование Д.Е. Максимова оказало влияние на общую доминанту оценок значения символистской критики для становления эстетики и литературной науки, но поэтологическая сторона их критики со времени появления этой работы не получила сколько-нибудь развернутого продолжения. Различным аспектам деятельности критиков-символистов были посвящены статьи, опубликованные в 1960 - 1980 годы в Блоковских сборниках Тартуского университета и сборниках Брюсовских чтений (З.Г. Минц, С.К. Кульюс, Н.Г. Пустыгина, Г.М. Пономарева, М.Л. Мирза-Авакян, Т.В. Анчугова, С.П. Ильев, Л.А. Сугай, К.С. Сапаров, С.И. Гиндин и др.).

Со второй половины 1980-х годов все более нарастающими темпами происходила «реабилитация» литературы серебряного века. Уже сами метаморфозы этого возвращения стали предметом разнообразных

¹ В 1991 году С. Рабинович отмечал: «Среди всех аспектов литературоведения (относящихся к десятилетию русского модернизма) критика и журналистика <...> испытали наибольшее пренебрежение со стороны ученых; они остаются самыми темными углами в нашем представлении о русском символизме (Russian Review-1991.-V.50.-№3.-S290). Показательно, что в недавно вышедшем коллективном двухтомном труде «Русская литература рубежа веков: 1890-е – начало 1920-х годов» (М., 2000-2001, Кн. 1-2) нет главы о литературной критике, ее тенденциях и поэтике.

дискуссий.¹ Литературоведение многое прояснило в картине литературного процесса конца XIX – начала XX веков, и символизма в частности (исследования Д.Е. Максимова, З.Г. Минц, А.В. Лаврова, Н.В. Котрелева, С.П. Ильева, В.Н. Топорова, Л.А. Колобаевой, Н.Ю. Грякаловой, И.Г. Минераловой, А. Ханзена-Леве, И. Смирнова, Л. Силард, А. Флакера, И. Хольтхузена, М. Дрозды, Р.Д. Клюге и др.). Стал все более расширяться круг фактических материалов и по истории символистской критики.² В публикациях этих изданий, в комментариях к ним вводятся в научный оборот различные источники, осмысливается ряд частных внутрисимволистских взаимоотношений, описываются отдельные эпизоды литературно-критических дискуссий. Подобные работы, написанные чаще всего превосходными знатоками эпохи Серебряного века, создают основу для концептуального осмысления истории символистской критики.

В последнее время научный интерес к символистской критике заметно вырос. Различным аспектам этой критики посвящены статьи, диссертационные работы отечественных (Т.Н. Бреева, Ю.В. Кричевская, М.В. Михайлова, М.В. Мыслякова, М.В. Орлова, Г.М. Пономарева, Л.А. Сугай, А.В. Чепкасов, А.В. Черкасова, В.В. Шабаршина, Я.С. Усачева, М.Ю. Эдельштейн), зарубежных (К. Гидини, К. Депретто, П. Карден, Т. Пахмусс, М. Паолини, Л. Пильд, С. Рабинович, Ш. Розенталь, Р. Уэллек, М. Юнгрен) исследователей. Осмысливается персональная деятельность в качестве критиков Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, М.А. Волошина, Эллиса.

Отдельные наблюдения над поэтикой статей символистов включены в контекст исследований идейной и творческой эволюции символистов (А.В. Лавров «А. Белый в 1900-е годы», А.В. Федоров «Иннокентий Анненский: Личность и творчество»), их интерпретаций русской классики (Л.А. Сугай «Гоголь и русские символисты», Л. Пильд «Тургенев в восприятии русских символистов», авторы статей сборника «Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – начала XX в.» и др.), проблем писательской критики конца XIX – начала XX в.в. (С.А. Кочетова). Отметим значимость исследований поэтики художественной прозы символистов, стилистики их текстов (Н.А. Кожевникова, Л.А. Новиков, Д.М. Поцепня, Н.Б. Руженцева и др.).

Следует подчеркнуть, что в наиболее интересных из них намечаются отдельные перспективные аспекты изучения поэтики критических статей

¹ См.: [Иваницкая Е. Спор о Серебряном веке // Октябрь. – 1994. - № 10. – С. 181-187; Рылькова Г. На склоне Серебряного века // НЛО. – 2000. - № 6 (46). – С. 231-244; Лавров А. «Серебряный век» и/или «пантеон современной пошлости» // НЛО. – 2000. - № 5 (51). – С. 240-247; Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. – М., 2000; Хализев В.Е. Модернизм и традиции классического реализма в русской литературе XX в. // Филологические науки. – 2004. - № 6. – С. 106-120].

² Так, в 1990-е годы были опубликованы отмеченные различным качеством подготовки и неизбежной выборочностью материалов критические тексты А. Белого, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Ф. Сологуба, В. Брюсова, М. Волошина, И. Коневского, Эллиса, В. Иванова, Д. Философова, П. Флоренского. Большой источниковедческий материал содержится в томах «Литературного наследия», выпусках исторического альманаха «Минувшее», биографического альманаха «Лица», в «Ежегодниках» Рукописного отдела Пушкинского Дома, в серии критических антологий «Русский путь» (Санкт-Петербург), в сборнике «Писатели символистского круга» (2003).

символистов (неомифологизм, интертекстуальность, диалогическое начало, жанровое своеобразие и т.д.). Однако они представляют отдельные наблюдения по существу единого явления, которое не получило обобщающего рассмотрения ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении. Явно недостает труда, специально посвященного проблемам теории и истории символистской критики. Литературная критика символистов как целостное явление, проявляющееся в сходстве ряда внешних черт, типологически близких принципов подхода к литературе, жанровых структур, до сих пор не становилась предметом самостоятельного изучения. Но сам факт появления исследований последнего времени о символистах-критиках свидетельствует о необходимости всестороннего изучения данного явления и его теоретического обоснования.

Исследователи истории и теории русской критики не раз подчеркивали необходимость формирования концепции критики отдельных периодов в их целостности и реальной сложности, преодоления описательности, фрагментарности в подходе к критике (М.Г. Зельдович)¹. Уйти от чисто эмпирического, описательного, «летописного» подхода к критике (эта задача приобретает особую актуальность применительно к символизму ввиду обширности созданных им критических текстов) позволит только *историко-теоретический подход*. В предмет истории критики должны быть включены создаваемые критикой теоретические концепции, формы преемственности и взаимодействия с предшественниками, жанровые образования и стили. Возникает потребность комплексного рассмотрения вопросов теории, методологии и критической практики символистов.

Проведенное исследование *актуально* как в историко-литературном, так и в теоретическом аспектах. В историко-литературной области изучение символистской критики расширяет знание о закономерностях литературного процесса конца XIX – начала XX веков, о типологии направлений и течений в критике рубежа XIX-XX вв., о месте критики в литературно-теоретических проектах символистов, позволяет дополнить существующие представления о поэтике символизма.

С точки зрения теоретических результатов, критика символистов дает богатый материал для осмысления таких проблем, как переходность в развитии критики, критическая стратегия направления в критике, специфика *писательской* критики и – особенно – типология и поэтика ее жанров².

В литературоведении уже давно наметился подход от чисто эмпирического, прикладного изучения критики (критика с точки зрения эволюции суждений о литературе) как предварительного этапа историко-литературного исследования к постижению ее функциональных

¹ История и теория литературной критики: современное состояние и перспективы изучения. Ответы на вопросы анкеты // Русская литературная критика. Вып. 2. – Саратов, 1991. – С. 12.

² О недостаточном теоретическом осмыслении различных форм выражения писателями своих литературно-критических взглядов писал В.Н. Коновалов: Литературно-критическая деятельность русских писателей XIX века. – Казань, 1989. – С. 166.

возможностей в историко-литературном процессе, проблем взаимодействия критики и литературы на уровне структуры текста.

Особый интерес в этой связи приобретает исследование критики переходных эпох, какой явился рубеж XIX – XX веков. Современные концепции перехода в русской художественной культуре указывают, что переход от одной системы ценностей к другой «или может представлять резким разрывом между системами ценностей, или же соответствовать преемственности, когда разрыв нейтрализуется сохранением существующих ценностей и их полным или частичным включением в новую систему ценностей»¹. Зримое выражение изменений в характере критики дает только углубленный анализ текстовой реальности критических произведений, то есть исследование *поэтики* литературной критики. Большинство историков и теоретиков критики признают научную актуальность изучения критики с точки зрения поэтики и мастерства.

Казалось бы, с точки зрения поэтики литературная критика русского символизма должна была изучаться прежде всего. Однако в названном аспекте символистская критика остается малоисследованной. Большинство работ, посвященных жанру, композиции, стилю, образу автора, принципам и приемам анализа и интерпретации художественного произведения, поэтике чужого текста в структуре статьи, посвящены классической критике XIX века (исследования Л.П. Гроссмана, М.Я. Полякова, Б.И. Бурсова, Б.Ф. Егорова, А.М. Штейнгольд). В новаторской книге Б.Ф. Егорова «О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль» (1980) были рассмотрены критические жанры в их движении и эволюции, поставлены проблемы взаимосвязи критики и литературы, соотношения научного и художественного аспектов в критике, но они решены на материале критики XIX века. Тем самым заложены основы исторической поэтики русской критики XIX века. Данный подход необходимо «продлить» и далее – в рубеж XIX – XX веков.

Обращение к истории символистской критики актуально и в контексте современных споров о «кризисе» критики и изучения исторического опыта того, как преодолевался этот кризис на разных этапах истории. Неслучайно многие участники современных дискуссий упоминают о начале XX века, когда возникла символистская критика, которая стремилась выработать новый язык, адекватный изменениям в литературе.²

Целью исследования является постижение генезиса символистской критики, раскрытие эксплицитных и имплицитных связей ее с традициями отечественной и западноевропейской критики, анализ типологических принципов и поэтики ведущих жанров.

Задачи исследования. В соответствии с выдвигаемой целью и обозначенным подходом ставится ряд основных взаимосвязанных задач:

- рассмотреть литературно-критическую ситуацию рубежа XIX – XX веков (дискуссии о критике, споры о «наследстве», «конфликты» критики и

¹ Переходные процессы в русской художественной культуре: новое и новейшее время. – М., 2003. – С. 30.

² Критика: последний призыв // Знамя. – 1999. - № 12. – С. 156.

литературы) как одну из важнейших предпосылок возникновения символистской критики;

- ввести критику символистов в широкий контекст процессов обновления критики в конце XIX – начале XX веков;

- выявить типологические и генетические связи символистской критики с западноевропейскими и национальными традициями, раскрыть на этой основе специфику форм диалога символистов с предшественниками и современниками («фоновая» традиция, цитатность, заимствование, отталкивание и пр.);

- дать характеристику типологических свойств символистской критики в аспектах: течений, принципов подхода к литературе, типов интерпретаций, форм авторского сознания и типологии автора как субъекта критической деятельности;

- проследить жанрообуславливающие и жанрообразующие факторы ведущих жанров символистской критики;

- проанализировать функциональные структурные особенности, жанровые разновидности статей-манифестов, теоретических статей и лекций, предисловий, рецензий, параллелей, литературно-критических портретов, обзоров, циклов и книг критических статей.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что это – первый опыт целостного исследования символистской критики. До сих пор символисты как критики изучались либо в отдельных статьях, либо в монографических исследованиях, посвященных творческому пути отдельных писателей, где критике уделялось весьма скромное место (за исключением А. Блока, В. Брюсова).

Ведущий принцип исследования – историко-типологический. В работе не выделена монографически деятельность ни одного критика; отдельное учитывается как проявление некоторых общих закономерностей. Большинство анализируемых в диссертации фактов – высказывания символистов, их переписка, литературно-критические дискуссии – рассматриваются в качестве элементов системы символистской критики в целом.

Новизну диссертации придают:

- выбранный *историко-теоретический* ракурс исследования. Критика рассматривается с позиций своеобразного дополнения литературы и реализации интерпретивно-прогностических функций критики в литературно-критическом процессе;

- более пристальное, чем это представлено в частных исследованиях, описание трансформационных процессов в критике символистов, объяснение статуса критики в их «программах», анализ поэтики ведущих жанров, ряд из которых (манифест, предисловие, параллель, книга критики) впервые осмыслен в таком объеме;

- обогащение литературоведческого исследования критики элементами лингвистики, текстологии, риторики;

- привлечение широкого круга опубликованных, но малоосвоенных и, как правило, не привлекавшихся для изучения истории критики источников (журнальные, газетные, эпистолярные материалы), а также введение в научный оборот ряда архивных материалов, позволяющих аргументированно осветить деятельность Д. Мережковского, П. Перцова, И. Коневского, Ф. Сологуба, А. Белого, В. Брюсова.

Методологическая основа исследования. В основу диссертации положены концепции специфики литературно-критической деятельности, филологические принципы изучения критики ведущих отечественных (Б.Ф. Егоров, В.В. Прозоров, Е.Г. Елина, М.Г. Зельдович, А.М. Штейнгольд, Ю.Б. Борев, Л.В. Чернец, И.В. Кондаков, М.Я. Поляков, В.В. Перхин, Е.С. Громов, В.Н. Коновалов, А.С. Курилов, Н.В. Володина), зарубежных исследователей (Р. Уэллек, Т. Элиот, Ж. Старобинский, Ж. Женетт, П. де Ман, А. Компаньон, Р. Барт, Ж. Полан). В работе широко используются труды отечественных и зарубежных исследователей символизма и литературного процесса конца XIX – начала XX века в целом, так или иначе затрагивающие и критическую составляющую символистского творчества (А.В. Лавров, Н.А. Богомолов, З.Г. Минц, М.В. Михайлова, Е.В. Иванова, В.А. Келдыш, В.М. Паперный, И.П. Смирнов, А. Ханзен-Леве, А. Пайман, В. Эрлих).

Особо отметим значимость работ казанских исследователей русской критики и публицистики (В.Н. Коновалов, Т.С. Карлова, Л.М. Пивоварова, А.А. Роот).¹ В исследованиях В.Н. Коновалова и членов руководимой им группы (В.Н. Азбукин, Л.Е. Бушканец, Л.Я. Воронова, И.В. Карташова, Б.И. Колмаков и др.) обозначены важные теоретические аспекты изучения писательской критики XIX века, специфики критики 1870-80-х годов, газетной критики и ее жанровой системы, опираясь на которые, можно изучать критику последующих периодов.

Исследование базируется на *комплексном* подходе, включающем использование типологического, системно-структурного, функционального методов, элементов лингвистического, текстоведческого и других междисциплинарных подходов, необходимых для современного изучения литературной критики. Помимо специальных методов, примененных с учетом специфики литературно-критической деятельности, в работе использованы такие общие способы научного познания, как сравнение, аналогии и моделирование.

Объект исследования – литературно-критические статьи символистов 1890 – 1910-х годов.

Предмет исследования – выявление генезиса, диалога с национальной и западноевропейской критической традицией, типологических закономерностей и поэтики основных критических жанров символистов. Из

¹ См.: коллективные монографии [Русская литературная критика 70 – 80-х годов XIX века. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1986; Литературно-критическая деятельность русских писателей XIX в. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989; Жанры русской литературной критики 70 – 80-х годов XIX века. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991; Die Literaturkritik in der Zeitung anhand der Materialien der russischen Presse der Jahre 1870 bis 1870. Beiträge zur Slavistik. Frankfurt/M., 1996. Bd. 30].

двух систем отсчета в подходе к критике: с точки зрения *самой литературы*, постигаемой и оцениваемой критикой, и с точки зрения *собственно критики* в «многообразии ее задач и подходов к искусству и жизни»¹ – в работе выбрана вторая точка отсчета.

Источники исследования. Непосредственным (основным) материалом исследования стали репрезентативные литературно-критические статьи различных представителей символизма и ряда близких к символизму критиков, написанные с конца 1880-х – начала 1890-х годов по 1910-е годы и опубликованные в символистских журналах («Мир искусства», «Новый путь», «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Труды и дни», «Перевал», «Искусство» и др.), в газетах («Театральная газета», «Речь», «Русское слово», «Курьер», «Утро России», «Свободная молва», «Утро», «Москвич», «Волжский вестник»). Выборочно привлекались общедемократические, театральные и научные журналы («Северный вестник», «Труд», «Русская мысль», «Артист», «Ежемесячные сочинения», «Вестник Европы», «Русское обозрение», «Современный мир», «Образование», «Русское богатство», «Мир», «Вопросы философии и психологии»). Наряду с журнальными и газетными публикациями исследовались основные альманахи и литературно-критические сборники символистов.²

Вспомогательными источниками для нас стали художественные произведения символистов, а также документально-биографические материалы: переписка, дневники, воспоминания.

В диссертации использовались архивные материалы, хранящиеся в РГАЛИ, ОР РГБ, ОР РНБ, ИРЛИ, связанные с критической деятельностью И. Коневского, В. Брюсова, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, А. Белого, И. Анненского (рукописи статей, подготовительные материалы к ним, переписка).

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Символистскую критику правомерно рассматривать не только как отдельные высказывания о литературе, дополняющие художественное творчество, но и как особую целостность, литературно-критическую стратегию, что позволяет говорить о направлении писательской критики конца XIX – начала XX веков. При этом создание системно-целостной концепции критики подобного типа возможно, если принять во внимание, что участие критики в формировании и осознании литературы приобретает особое значение в ситуации, когда сами художники выступают в роли критиков и активизируется ее прогностическая функция.

2. Вопрос о генезисе критики рассмотрен в рамках проблем переходности в литературно-критическом процессе. Для зарождения и

¹ Зельдович М.Г. В поисках закономерностей. О литературной критике и путях ее изучения. – Харьков, 1989. – С. 62.

² В деятельности символистов совмещались и теоретико-эстетическая ипостась, и роль критика (не только литературного), историка литературы, философа, публициста. Поэтому возникала проблема отбора: осознавая нередко имеющуюся проницаемость между критическим и литературоведческим текстом (и помня о синтетичности русской критики, которая по-своему проявилась и у символистов), мы все же брали во внимание критические тексты разных жанров, имеющие своим предметом литературу и проблемы самой критики. Исключительно философско-эстетические, либо работы по истории литературы привлекались только как вспомогательные материалы.

формирования символистской критики характерна исходная ситуация асинхронного развития критики и литературы, когда обнаруживается разрыв между критико-эстетической мыслью и достижениями литературы.

3. Установка на переоценку характера национальной критики и ориентация на европейское направление критического мышления позволяют выявить различные формы преемственности в символизме. С одной стороны, символистская критика «впитывала» формирующиеся западноевропейские концепции субъективной критики, антипозитивистские тенденции, идеи западного эстетизма, романтические традиции. Другим «полюсом» влияния на символистов оказывалась «память» русской критики, ставшая весомой составной частью их культурного опыта (традиции отечественной писательской критики, принципы эстетической, «органической» критики, диалог-спор с традициями Белинского, Добролюбова, Писарева, Михайловского). В притяжении к «далеким» и даже «чуждым» критикам проявлялся своеобразный «парадокс» их литературно-критической деятельности.

4. Понятием «символистская критика» охватывается несколько взаимосвязанных подходов к литературе, соответствующих течениям филологической (эстетической), философско-публицистической, импрессионистской и психологической критики. Ведущим принципом символистских «текстов» о литературе стал принцип символизации, распространяемый на критику в целом (критерии поиска символов в литературе, интерпретация с позиций символизма предшествующей и современной литературы, поэтика статей, во многом родственная поэтике художественных текстов). С пониманием символистами критики как творчества связывается усиление смысловой и структурной значимости художественных элементов, соответствие стилового облика критических статей и художественной прозы. Ориентируясь на тип высокообразованного читателя, символисты учитывают его ожидания и запросы, вводят стиховедческий и стилистический анализ в структуру статей, обращаются к научным традициям.

5. На материале различных репрезентативных образцов критических статей символистов рассмотрена система жанров символистской критики, выявлено, как через поэтику и прагматику манифестов, статей-трактатов, предисловий, рецензий, параллелей, портретов, обзоров, циклов, книг статей выстраивалась их литературно-критическая стратегия. В статьях символистов, по сравнению со сложившимся в русской критике традиционным типом критической статьи, сменились структурные элементы: от «действительности» к литературе, к постижению художественной структуры, личности писателя.

Теоретическая значимость диссертации. Исследование уточняет понятие «символистская критика», ее специфические черты, особенности жанровой системы. Материалы диссертации могут быть положены в качестве теоретической основы для исследования специфики писательской

критики, взаимодействия критики и литературы, проблем поэтики критического творчества.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при создании научной истории литературной критики, в общевузовских курсах по истории русской литературы и литературной критики конца XIX – начала XX веков, в спецкурсах, посвященных проблемам русского символизма. Положения диссертации также могут учитываться при создании монографических работ и изданий справочного характера, востребованы студентами-филологами (в рамках дополнительной специализации «Литературная критика и редактирование») и журналистами, постигающими мастерство литературной критики.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в монографии [рец.: Вопросы литературы, 2007, №4, С. 366-367; НГ Exlibris, 30 марта 2006 г., № 10 (359)], научных статьях, а также излагались в докладах на более чем 35 международных, всероссийских, межвузовских, республиканских, университетских научных конференциях в период с 1993 по 2006 годы в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Костроме, Пензе, Пскове, Самаре, Твери, Тольятти.

Содержание некоторых докладов получило освещение на страницах ведущих научных и научно-методических журналов: «Русская литература» (2000, № 2, С. 249; 2003, № 3, С. 226); «Филологические науки» (2001, № 2, С. 123); «Известия РАН. Серия литературы и языка» (2004, т. 63, № 3, С. 71); «Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология» (2005, № 1, С. 169; 2006, №1, С.152); «Литература в школе» (2005, № 4, С. 48). Материалы диссертации использовались в учебных курсах «История русской критики», «История русской литературы», в спецкурсах «Мастерство литературной критики: жанры и стили», «Русская литературная критика серебряного века в контексте религиозно-философских исканий», которые читаются на филологическом факультете КГУ и на факультете журналистики и филологии филиала КГУ в г.Набережные Челны.

Структура и объем исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы – 508 страниц.

Основное содержание работы.

Во **Введении** обосновываются выбор темы, ее актуальность и новизна, формулируются цель и задачи работы, методологические принципы подхода к исследуемому материалу, характеризуются источники исследования.

Первая глава диссертации «**Актуальные проблемы теории литературной критики**» служит теоретико-методологическим введением в изучаемую проблематику.

В разделе 1.1 «*О месте критики в историко-литературном процессе*» дается общий обзор различных теоретических концепций происхождения критики, ее границ, функций, типологии. Предпринятое в этом разделе обращение к работам по теории критики убеждает в необходимости

акцентирования специфической роли критики в литературном процессе. Подчеркивается основной исходный тезис: литературная критика относится к более широкой области, чем наука о литературе, – кругу *знания о литературе*, рожденному в недрах самой литературы, подготавливающему и «питающему» науку о литературе¹. Критика участвует в формировании и осознании новых тенденций литературного развития. Роль прогностической функции особенно возрастает в переходный период, когда сами художники выступают в качестве критиков (в эпоху серебряного века эта ситуация была типичной).

Тесный сплав литературы и критики позволяет говорить не только о литературном, но и о *литературно-критическом* процессе (с акцентированием в нем роли критики). Являясь подсистемой литературного процесса, критика испытывает воздействие литературы, эстетического сознания эпохи, литературоведения, публицистики. В ряду внешних факторов, формирующих новые способы интерпретации и оценки, литература стоит на первом месте. Именно внутренние противоречия в развитии самой литературы способствуют необходимости реагировать на новые тенденции художественного сознания, вырабатывать новые формы критических суждений. Особенно необходимо подчеркнуть роль внутренних факторов в становлении критики (собственные традиции, преемственность, генетические, контактные связи, типологические схождения).

Постигая причинно-следственные связи историко-критического процесса, следует ориентироваться на основную его единицу – критические статьи различных жанров, опубликованные в периодических изданиях (журналы, газеты), альманахах и сборниках. Но критический процесс нельзя реконструировать и без различного рода критических «вкраплений» в иных жанрах: эпистолярных текстах, дневниках, в самой литературе. Эпистолярные высказывания, например, не становятся, как правило, широко известны современникам, они остаются проявлением своего рода «домашней» критики (для эпохи серебряного века это имело определяющее значение). Но зачастую именно в этих структурно-жанровых вкраплениях выражены ведущие тенденции критического самосознания эпохи, подспудные, не столь явно и публично выраженные процессы развития, особенно заметные в периоды, когда формирующееся направление в критике не имеет широкой возможности публичного изложения мнений (таков ранний символизм 1890-х годов).

Задачей раздела 1.2 *«Поэтика литературно-критического произведения как предмет научного изучения»* является характеристика основных понятий структуры литературно-критического текста. Система понятий выстраивается на основе определенных традиций в постижении природы и сущности литературной критики, рассмотренных в предыдущем разделе.

¹ Мы опираемся на идеи, высказанные в работах: Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы / А.В. Михайлов // Литературоведение как проблема. – М., 2001. – С. 224 – 279; Кожин В.В. Критика как компонент литературы / В.В. Кожин // Современная литературная критика. – М.: Наука, 1977. – С. 159-170.

Поэтика критики определяется как *раздел теории критики о принципах и приемах интерпретации и оценки художественного произведения и сопряженной с ним действительности, о соотношении и взаимодействии логико-аналитических и художественных элементов критического произведения, о совокупности приемов воздействия на читателя, о жанрово-композиционной структуре литературно-критических текстов.*

В разделе особо подчеркивается мысль о том, что для изучения поэтики критики необходимо активно привлекать исследования, посвященные закономерным тенденциям в организации текста, лингвистической поэтике, лексической и синтаксической стилистике, прагматике текста. Привлечение таких общетекстовых категорий, как информативность, когезия (внутритекстовые связи), межтекстовые связи, проспекция, ретроспекция, подтекст и др., позволяет глубже понять внутритекстовые признаки и критерии, характеризующие принципы организации именно критического текста. Исследование структуры литературно-критического текста (ЛКТ) базируется на следующих положениях:

1) подчиненность ЛКТ общетекстовым закономерностям; 2) подвижность границ между художественными и нехудожественными текстами.

Изучение поэтики ЛКТ обусловлено рядом функциональных свойств критики, из которых в разделе акцентируется внимание на: 1) диалогическую связь критики со своим предметом – литературой; 2) воздействие риторики на поэтику ЛКТ; 3) обращенность критики, наряду с литературой, к жизни.

Во второй главе **«Проблемы генезиса и традиций в символистской критике»** рассматривается вопрос о генезисе символистской критики, о предпосылках ее возникновения, роли национальных и западноевропейских традиций в ее происхождении и формировании функциональных особенностей. Названные аспекты рассматриваются через призму проблемы переходности в критическом процессе¹.

Понятие «генезис» используется и в своем основном значении – как выявление происхождения, возникновения, первоначального становления символистской критики, и как изучение воздействия совокупности различных факторов, детерминирующих смену критической парадигмы на рубеже XIX – XX вв.

Глава состоит из 3-х разделов: *«У истоков символистской критики» (2.1); «Западноевропейская критика, литературоведение и русская символистская критика» (2.2); «Роль национальных традиций» (2.3).*

В подразделе 2.1.1. *«Ситуация переходности и споры о кризисе критики»* подчеркивается, что формирование символистской критики происходит в условиях смены эстетических парадигм, произошедшей на рубеже XIX – XX веков. В русле этого перелома нужно воспринимать и генезис символистской критики. Символистская критика зарождается на волне осознания кризисных явлений в литературе и самой критике. Генезис

¹ Современные исследования структуры переходного процесса (В.Н. Топоров, Н.А. Хренов, О.А. Кривцун и др.) дают ориентиры и для изучения критики.

«новой» критики совпадает и с одной из первых обстоятельных попыток разобраться в специфике критики, ее взаимоотношениях с литературой, публицистикой, историей литературы. Подобная форма теории критики, возникающей в живой практике, в реальном контексте ее функционирования («синхронная теория», по определению М.Г. Зельдовича), обладает немалым *программирующим* воздействием относительно будущего самой критики.

Символисты (Д. Мережковский, В. Брюсов, Ф. Сологуб и др.) обсуждают вопросы взаимоотношений критики и литературы, неудовлетворительного состояния поэтической критики, недостаточного знания не только писателей первого ряда, но и забытых художников. На этом фоне становится очевидной необходимость возрождения именно *эстетического* подхода к поэзии. Традиции русского «эстетизма» были недолговечными, и уже к концу 1850-х годов это направление исчерпало себя, несмотря на все заслуги А. Дружинина. Вопрос о необходимости новой критики, способной понимать поэзию, оценить накопленные ею богатства, закрепить и зафиксировать открытия современной поэзии, определить и сформулировать новые для нее пути ставился в 1890-е годы в среде символистов в основном в *эпистолярной* форме. В этой связи в диссертации рассмотрены письма В. Брюсова к П. Перцову 1894-1896 гг., где обсуждались и теоретические вопросы, важные для формирования принципов изучения поэзии, которые проявятся в полной мере в литературно-критических выступлениях Брюсова начала XX века: критика должна преодолеть отчуждение от своего предмета, перестать смешивать эстетические, художественные задачи с задачами публицистики; вопросы эстетические призваны занять основное место в статьях; необходимо закрепить и зафиксировать художественные открытия новой поэзии. Наконец, критика воспитывает эстетический вкус читателя. Эта задача, не всегда напрямую выраженная, пронизывала споры о критике. Здесь как бы возрождались в новых условиях высказанные В. Жуковским в начале XIX века, Е. Эдельсоном в 1850-е годы мысли об эстетической роли критики по отношению к читателю.

В подразделе 2.1.2. *«Социокультурные предпосылки изменений в критике: кризис «толстого журнала», борьба за нового читателя»* проблема зарождения символистской критики связывается с такими составляющими элементами литературной жизни, как новые тенденции периодической печати (появление журналов об искусстве, специализированных и научных изданий, специальных филологических и критико-библиографических журналов), изменение читательской аудитории. Фиксируется внимание на журналах «Артист», «Русское обозрение», «Театральной газете» как изданиях, где публикуются первые символисты и как критики. Изменения в системе периодической печати свидетельствовали, с одной стороны, о расширении географии публики, о стремлении критики расширить сферу своего влияния, с другой, – критика не могла не учитывать усилившуюся в журналистике тенденцию к специализации. В контексте

поднятых проблем ставится вопрос об изменении читательской аудитории и типа критики.

Отношения читателей и критики на рубеже XIX - XX вв. усложняются.¹ Период отчуждения критиков от художников, проявившийся в 1860 - 1880-е годы, приводит новое поколение к необходимости вернуть критике потерянное доверие со стороны художников. Отсюда изначальная *ориентация символистской критики на художника и на элитарного читателя*. Критика, ориентированная на художника, видит свою задачу в том, чтобы помочь публике подняться на уровень автора произведения, разъяснить новые творческие интенции, эстетические принципы возникающего художественного направления. Эта ситуация типична для генезиса символистской критики.

Всякий речевой текст (и критический текст не исключение) рассчитан на определенную модель адресата. Исходя из разработанных в коммуникативной лингвистике понятий «литературная коммуникация» и «стили восприятия» (понятие стиля восприятия прямо соотносится с той моделью адресата, которому автор сознательно предназначает свое произведение), можно допустить, что критик, ориентирующийся на приоритет эстетических ценностей, рассчитывает прежде всего на *эстетический опыт* восприятия художественного произведения. Ему важно опереться на эстетический вкус читателя, его эстетический опыт. Критик реалистической школы рассчитывает преимущественно на *миметический* стиль восприятия. Поэтому художественный анализ постоянно соотносится с жизненными фактами.

Читатель уже ранних работ символистов практически все время погружен в сферу искусства, художественной реальности, обсуждения специальных литературно-эстетических вопросов. В их статьи врываются и становятся доминантными темы красоты, религии, смысла творчества, внутреннего мира художника, переживания мира как тайны (мотивы ранних статей Д. Мережковского, И. Анненского). Непривычным для читателя было равнодушие к социальным характеристикам, что отличало Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Михайловского. Не было рассуждений о социальной пользе искусства, общественном служении во имя народного блага; в разборах психологического мира героев отсутствовал и такой важнейший типологический признак «реальной критики», как принцип каузальности (идея единства внешних и внутренних процессов в сознании и поведении человека, в зависимости от внешних условий его существования, от обстоятельств и среды).² Уходила «горячность», резкость критической манеры, некоторая безапелляционность, свойственная предшествующей радикальной критике.

¹ Критик Н. Поярков отмечал две тенденции: с одной стороны, «тип прежних гимназистов и гимназисток «с книжками под мышкой», неистово поглощавших русских классиков, критиков, Дарвина, Спенсера, Бокля и пр., отошел в область преданий», с другой, – «русский читатель стал гораздо развитее, эстетичнее» [Утро. – 1908. – 3 янв. (№ 329)].

² См.: Ильин В.В. Русская реальная критика 1860-х годов в свете сравнительного литературоведения / В.В. Ильин // Проблемы типологии русской литературной критики. – Смоленск, 1987. – С. 48.

Уже на раннем этапе формируются различные способы формирования художественных ожиданий читателя (пропаганда новых эстетических ценностей, интерпретация литературы прошлого, своеобразное «обучение» читателя адекватным способам восприятия «новых» произведений).

Вместе с тем внутрицеховой характер символизма проявлялся в частых ситуациях *взаимной* обращенности друг к другу (в том числе и как критиков). Узконаправленный характер многих выступлений символистов приводил к тому, что не возникавшая изнутри проблема пресуппозиции (символистам-собеседникам известно то, что не знают другие, непосвященные) затрудняла адекватное понимание литературно-критических текстов «другими».

Символисты изначально ориентируются на образованного, чуткого читателя-интеллектуала (или даже творят, создают свой образ читателя). Но, какой бы цеховой характер ни принимала их критика, она вынуждена была расширять круг своих читателей. Ориентация на свою публику (художника, образованного «рядового» читателя), безусловно, сохранялась на всех этапах символизма, преобладая скорее в 1890-е гг., но в 1900-е гг. и символисты пытались приобщить читающую публику к новой литературе и новому взгляду на нее. Они не могли, как всякое направление в критике, замыкаться только на «своей» литературе, а должны были реагировать на чрезвычайно пеструю литературную жизнь рубежа веков, включающую, помимо литературы модернизма, и несравнимо больший пласт реалистической и массовой литературы.

Изначальная обращенность критики символистов к элитарному читателю сочеталась с новой просветительской задачей: воспитание эстетически ориентированного читателя. С этим связана и своеобразная эстетическая публицистика – эстетико-теоретические отступления в их статьях не только 1890-х, но и 1900-х годов. Как когда-то Белинский давал в статьях пространные экскурсы в теорию литературы и эстетику, так и символисты, в новых условиях, иначе (и по форме, и по стилю), осмыслили, в сущности, круг тех же проблем (что такое искусство, что такое литература, какой должна быть критика и т.д.).

В подразделе 2.1.3. *«От «старой» к «новой» критике: 1890-е годы»*, опираясь на исследования относительно динамики перехода от реализма к символизму (З.Г. Минц, В.В. Иванов, Л. Пильд), свидетельства современников, мы показываем, что конец 1880-х – 1890-е гг. отражает ситуацию постепенного вызревания новых эстетических принципов, новых способов анализа, изменения стилистики; сталкиваются разнородные тенденции, «старая» модель критики становится тормозом в ее развитии, формируются новые принципы анализа и оценки, меняется система жанров критики, сосуществуют и взаимопроникают разные формы критических суждений. Отталкиваясь от идей радикальной критики (и не только идей, но и стиля, языка), новое поколение еще несет в себе следы «старой» критики, попытки приложить новые методы анализа соединяются с принципами предшественников.

Символисты, пытаясь расширить круг потенциальной аудитории потребителей искусства, начинают внедрять критику через формы устного контакта (лекции). Наряду с лекциями, широко практиковалось обсуждение рефератов, докладов в кружках, различных литературных объединениях. Многие статьи В. Брюсова, И. Коневского, Ф. Сологуба о современной поэзии не были опубликованы, что отражает в известной степени полуподпольное существование их критики в 1890-е гг. Своеобразным восполнением невозможности открытой публичности становится эпистолярная критика.

В разделе 2.2 *«Западноевропейская критика, литературоведение и русская символистская критика»* внимание концентрируется на проблеме влияния и типологических сходств символистов с западноевропейскими концепциями критики и литературоведения. Она рассмотрена в 2-х подразделах: *«Западноевропейские концепции критики и литературоведения. Диалог символистов с «научной критикой» (2.2.1) и «Влияние идей западного эстетизма» (2.2.2).*

В подразделе 2.2.1. характеризуется восприятие символистами западноевропейских концепций критики, субъективной критики, их отношение к попыткам обновления методов историко-литературного исследования (Г. Лансон, Ф. Брюнетьер, Э. Геннекен, Г. Брандес, А. Франс, Ж. Леметр и др.). Рассмотрение рукописи работы Д. Мережковского *«О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»* показывает, что он не отвергает стремление критики к научным способам объяснения литературного творчества, хотя отдает предпочтение субъективно-художественному методу. Но даже в обосновании субъективно-художественного метода подчеркивается именно его *«научное значение.»*

Но другие символисты (В. Брюсов, И. Анненский) решительнее выступали против позитивистски ориентированного подхода к литературе. Поэтому наряду с тенденцией, не порывающей окончательно с биографическим и культурно-историческим подходом, символисты *«впитывали»* чисто эстетический подход (близость идей М. Арнольда, О. Уайльда), теорию *«соответствий»* как прием критического анализа (С. Малларме). В подразделе 2.2.2. отмечена родственность теоретических положений, отстаиваемых на раннем этапе развития символизма Д. Мережковским, В. Брюсовым, К. Бальмонтом, Ф. Сологубом, теории критики О. Уайльда, М. Арнольда (самостоятельность критического отражения, использование флористических мотивов, образа зеркала в структуре статей, активизация прогностической функции критики).

С позиции более отдаленного генезиса символистская критика продолжает различные романтические традиции. Это вытекает из того очевидного положения, что русский символизм многим обязан западноевропейской романтической традиции начала XIX века, прежде всего немецкой (Шеллинг, Новалис, братья Шлегели и др.). Преемственная связь символизма и романтизма проявляется в близости критических принципов, представлений о задачах и функциях критики, жанрово-стилистических особенностях статей. Ведь именно немецких романтиков называют

основателями критики в современном смысле слова: они дали первое концептуальное представление о художественной критике, ее задачах и функциях.

В связи с этим обращено особое внимание на «солидарность» символистов с элитаристскими концепциями романтиков. Делается вывод о том, что критику символистов следует рассматривать как продолжение и трансформацию романтических принципов критики. Символистская критика является романтической по своему методу, тяготея к авторской субъективности, к анализу отношений автора к героям, событиям, а не к объективному смыслу произведения.

Раздел 2.3. начинается с рассмотрения предпосылок национального критического опыта в творческом сознании символистов (подраздел 2.3.1.).

Исследование этого вопроса опирается и на комплекс высказываний символистов о русских критиках и русской критике в целом и ее направлениях (в том числе с привлечением малоизвестных и неопубликованных источников), и на рассмотрение типологических и генетических связей, отражающихся в проблематике, жанровых особенностях, цитатности и других структурных особенностях их статей. Приводятся факты влияния национальной традиции, полученного в период гимназического и университетского обучения.

Приведенные примеры свидетельствуют о приобщении будущих символистов к «памяти» русской критики, ставшей весомой составной частью их культурного опыта. Данный тезис последовательно отстаивается в подразделах 2.3.2. («Традиции В.Г. Белинского, шестидесятников (Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев). Символисты и Н.К. Михайловский»), 2.3.3. («Влияние эстетической и «органической» критики»), 2.3.4. («Традиции отечественной писательской критики»)

Ближайшей «фоновой» традицией стала для символистов народническая критика. В этой связи обосновывается важность проблемы «Н.К. Михайловский и новое поколение критиков». Тяготение к публицистической традиции Михайловского наблюдается в период сближения символизма с «неонародничеством» (конец 1900-х – начало 1910-х годов).

В отношении символистов к Белинскому и «шестидесятникам» обнаруживается типологическое сходство скорее с Розановым (правда, без розановских парадоксов), чем с А. Волынским. В наследии Белинского выделяются близкие им принципы *художественной* критики. Однако это не означало приятия «всего» Белинского. Символисты выражали несогласие с «промахами» Белинского, особенно последнего периода. В их статьях содержится полемика с «Письмом к Гоголю», с оценкой Баратынского.

Символисты не разделяли чисто *критическую, негативную* борьбу с традициями шестидесятников, которую начал Волынский. Парадокс был в том, что в критической практике многие из них в той или иной степени сохраняли тяготение к шестидесятникам. Писаревская традиция функционировала в качестве *цитаты* – не только в форме *несогласия*, развенчания «далекой» эстетики, но и парадоксального *согласия* с ним. Имя

Писарева возникало у символистов не только в отторжении от его взгляда на Пушкина, на роль критики, но и в различные моменты *эволюции* символизма, когда они либо сами решались на антиэстетические выпады либо, наоборот, пытались обратить внимание читателя на новый эстетический нигилизм.

Связи с принципами «реальной критики» Добролюбова обнаруживаются в пору усиления общественности в мировоззрении, исканиях символистов, когда, по словам Блока, произошел переход от предчувствий «неслыханных перемен и невиданных мятежей» к погружению в эти перемены и мятежи. Тяготение к «реальной критике» наблюдается у Блока, Мережковского, Гиппиус. Принцип добролюбовской критики – «толковать о явлениях самой жизни на основании литературного произведения, не навязывая, впрочем, автору никаких заранее сочиненных идей и задач»¹ – был близок и даже теоретически осмыслен З. Гиппиус.

В разделе доказывается, что филологизм статей, внимание к художественному мастерству, широкой сопоставительности литературных явлений, преемственность в конкретных оценках сближают символистов с эстетической критикой середины XIX века, а художественно-поэтическое начало, мифопоэтическая основа критического метода, формы контактов с аудиторией (публичные лекции) типологически близки традициям «органической критики» А. Григорьева.

Символисты продолжали и отечественную традицию *писательских* критических выступлений. В их статьях часто цитируются критико-эстетические высказывания Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Некрасова, Толстого, Случевского. Особенно следует подчеркнуть связь символистских взглядов на критику с Пушкиным. Выступление многих символистов против коммерческого духа газетной публицистики обнаруживает несомненную связь с пушкинской традицией. С писательскими выступлениями Достоевского и Тургенева по случаю открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году связана традиция юбилейных выступлений критиков-поэтов начала XX века.

Но очевидно, что символистская критика отражает новый этап становления писательской критики, когда увеличивается общественная и эстетическая значимость выступлений писателей по проблемам искусства и литературы. Эта особенность объясняется изменившимся статусом писателя на рубеже XIX – XX веков и отношением художников к профессиональной критике, побудившими их искать прямой, непосредственный контакт с читателем.

Несмотря на перспективные теоретико-методологические искания, в развитии критики 1870 - 1890-х годов, по мысли В.Н. Коновалова, «наблюдается известное снижение уровня профессиональной критики по сравнению с вершинными достижениями критики 60-х гг., хотя это «снижение» не является абсолютным. Этот вакуум в значительной степени заполняет писательская критика»².

¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 3 тт. Т. 3. – М., 1987. – С. 74.

² Литературно-критическая деятельность русских писателей XIX в. – Казань, 1989. – С. 102.

Именно с символистами хлынул мощный поток критических текстов («метатекстов»), сопровождающих художественные явления. Такого «сопровождения» собственных творений не было ни у Пушкина, ни у Баратынского, ни у Фета, ни у Тютчева и других. Критика символистов расширяла представления о писательской критике. Их выступления продиктованы стремлением самостоятельно определять основные тенденции развития литературы, то есть решать задачи профессиональной критики, не сумевшей стать организатором литературного процесса. Если писатели-критики XIX века не образовывали направления, многие примыкали к таким фигурам, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов, хотя и не разделяли целиком их убеждений, то о символистской критике можно говорить как о самостоятельном направлении.

Интенсивно используя сложившиеся традиции критической деятельности, символисты тем не менее подчеркивали неразвитость в русской литературе *автокритики*, комментариев, объясняющих собственные сочинения.

В 3-й главе «Проблемы типологии символистской критики» исследуются типологические принципы специфики авторской субъективности символистской критики. Исследование ведется под углом зрения эквивалентности явлений, сходства, аналогии, соответствий, а также установления различий в многообразных литературно-критических материалах, что естественно означает известное приглушение творческих индивидуальностей критиков. Дополнительным аргументом в пользу такого подхода для нас служат положения ряда авторитетных исследователей русского символизма (А. Ханзен-Леве, В. Паперный, И.Корецкая), акцентирующих явления конвергенции и интерференции разных программ символизма даже внутри одного произведения, одновременность гетерогенных моделей, относящихся к различным эволюционным ступеням¹.

Вопрос о *составе* символистской критики спорен даже применительно к *литературе* символизма. В символизме есть центр, периферия, вульгаризаторы, эпигоны. В первую очередь к критикам-символистам следует отнести деятельность тех писателей, которые свою принадлежность к символизму *осознавали*. В этом смысле – это критика, ставшая теоретическим и историко-литературным самосознанием символизма, где были сформулированы основные программные принципы направления, давалась интерпретация с позиций символизма современной литературы и литературы прошлого, предлагались опыты автокритики. Это критика, защищавшая символизм в литературных схватках и полемиках и сама же первой осмыслявшая его итоги и его историю. Она участвовала в организации символизма и эволюции на различных этапах движения: от начала 1890-х до 1910-х годов. Это деятельность В. Брюсова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, К. Бальмонта, И. Коневского, Ф. Сологуба, А.

¹ Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. – СПб., 1999. – С. 14-15.

Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Г. Чулкова, М. Волошина, С. Соловьева, Ю. Балтрушайтиса. С другой стороны, в широком смысле, критика символистов включает «союзников», «попутчиков», пропагандистов, популяризаторов символизма (и не только из писательской среды), его вдохновителей и т.д. Поэтому объективно символистская критика соотносима с т.н. околосимволистской (Б. Садовской, Н. Поярков, А. Курсинский, Н. Абрамович, Ликиардопуло, Е. Лундберг, В. Боцяновский, В. Гофман и др.), предсимволистской критикой (С. Андреевский, В. Соловьев, А. Волынский), деятельностью В. Розанова.

В разделе 3.1. «Статус критики и типология течений» выявлен комплекс факторов, определивших высокий статус критики в символизме. С позиций родо-видовых отношений, она относится к разновидностям *модернистской* критики (наряду с акмеистической, футуристической критикой). Появление такого типа критики связано с утверждением нового взгляда на художественное творчество, с символистской концепцией искусства. Мы придерживаемся концепции З.Г. Минц о том, что доминирующей идеей большинства символистских деклараций и особенностью их поэтики является *панэстетизм*, когда «все поэтические идеалы русского символизма предстают как *эстетизация* тех или иных этических, религиозных, политических и даже социальных или научных ... ценностей»¹, в том числе эстетизация и критического дискурса. Потому определяющими в ряду внутренних факторов оказываются: значимость вопросов прагматики, рефлексивность (металитературность) символизма, двойственность в определении задач искусства.

Творчество понимается как совместные усилия автора и читателя в раскрытии внутреннего смысла произведения. Критические статьи помогают обнаружить художественные смыслы, они выполняют роль посредника в установлении взаимного понимания с читателем, стимулируют его сотворчество и сопереживание. Общей для символистов становится мысль о своеобразной незавершенности художественного произведения и о роли в «судьбе» произведения творческой субъективности критика. Символисты усиливают интерпретационную функцию критики в постижении образа-символа. Вопрос о том, как понимать символистское произведение, ставится А. Белым в статьях «Кризис сознания и Г. Ибсен», «Смысл искусства».

Металитературность как типологическая черта поэтики символизма реализуется не только в собственно художественных текстах (цитатность сюжетов, литературных образов, принципов организации художественного текста и т.д.), но и находит дополнительный выход в создании критических статей, выступающих в функции метатекста, разъяснения собственного творчества.

Символизм возник как направление, поставившее целью не только художественные, но и практические задачи. А. Белый писал: «...правы законодатели символизма, указывая на то, что последняя цель искусства –

¹ Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. -СПб, 2000. -С.461.

пересоздание жизни. Последняя цель культуры – пересоздание человечества...»¹. Эта общефилософская направленность символизма (хотя и сформулированная в панэстетических рамках) также объясняет значимость критики для них, но уже с иных позиций. Проблема влияния литературы на жизнь, новая постановка вопроса об общественной роли художника, движение к созданию таких форм искусства, переживание которых могло бы вновь объединить людей, – актуализирует *публицистический* потенциал критики символистов.

Символистскую критику уместно отнести к промежуточному типу философско-эстетической критики, где, в свою очередь, можно выделить ряд типологических образований (течений):

1. *Филологическая* (эстетическая) *критика*. С этим течением связано изучение поэтики произведения, формы, словесного материала, художественных приемов. В наибольшей степени оно представлено деятельностью В. Брюсова и его школы (как неоднократно отмечалось исследователями, именно Брюсов был литературным критиком в прямом смысле слова), И. Анненского, отдельными критическими выступлениями А. Белого и В. Иванова. Не все представители этого течения разделяли идеи автономии литературы, как В. Брюсов, но общим было продолжение традиций эстетической критики XIX века², а также стилистического подхода классицистов: сосредоточенность на вопросах стихотворной техники, указание на промахи в стиле, в структуре, в построении образов, выделение всех этих взаимосвязей в произведении, которые позднее получают обозначение «художественный мир».

2. *Философско-публицистическая критика*. Находится на стыке философского и публицистического высказывания. Ее основы заложены Д.С. Мережковским, хотя непосредственным истоком следует считать В.С. Соловьева. Несмотря на различия теоретических взглядов и конкретные разногласия, отражающие отдельные течения внутри символизма («неохристианская» критика Д. Мережковского, Д. Filosofova, З. Гиппиус, «теургический» символизм А. Белого, В. Иванова, А. Блока, «мистический анархизм» Г. Чулкова), значительную часть их литературно-критических выступлений следует отнести к единому типологическому образованию. В большинстве своем они стояли за утверждение связи между искусством и жизнью, понимая эту связь иначе, чем представители социологических концепций в критике.

У символистов меняются формы и содержание публицистичности. В целом постижение эстетической реальности (то есть литературоведческая доминанта) преобладает в их статьях. Можно говорить о вариантах «присутствия» публицистичности в различных подсистемах символизма

¹ Белый А. Символизм / А. Белый. – М.: 1910. – С. 10.

² В этом ряду предшественников эстетического подхода нужно назвать и К. Леонтьева с его новаторским критическим этюдом «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л.Н. Толстого». Леонтьев предваряет новую критику самим *типом* подхода к анализу структуры текста, индивидуальности автора.

(учитывая и индивидуальные особенности тех или иных критиков и фактор эволюции символизма).

3. *Импрессионистское течение* («лирическая критика»), основанное на передаче непосредственных впечатлений от произведения, на «поэтике впечатлений». И хотя демонстрация собственных читательских впечатлений составляет одну из специфических особенностей критики, но именно в импрессионистской критике она занимает основное поле статьи. Это направление связывало не только критиков-писателей, но и представителей профессиональной критики (К. Чуковский, Ю. Айхенвальд). Оно повлияло на новое восприятие литературы, обогащение критики новыми жанрами и стилистическими приемами (этюды, силуэты, виньетки и т.д.). Критик демонстрирует «вживание» в текст, имитацию его эмоциональной и речевой атмосферы. К этому типу критики принято относить статьи К. Бальмонта, вошедшие в сборники «Горные вершины», «Белые зарницы», «Морское свечение», ряд литературных портретов сборников А. Белого «Луг зеленый» и «Арабески», «Книги отражений» И. Анненского, отдельные статьи А. Блока и М. Волошина.

4. *Психологическое течение* направлено на реконструкцию личностного портрета писателя. Критиков привлекают личность писателя, сложность и множественность его внутреннего мира, скрытые, глубинные пласты сознания, отразившиеся в творчестве.

Тем не менее, в среде символистов наблюдается различный диапазон интерпретации личности автора: от признания нераздельности произведений художника с его личностью и следующего отсюда права критика использовать при интерпретации факты, лежащие вне книги (М. Волошин), до убеждения, что критик не может касаться того, что лежит вне литературы (В. Брюсов)¹. Психологическое течение было наиболее близким к психологической школе в литературоведении. Символистов и представителей психологической школы сближает интерес к проблемам понимания художественного произведения, исследование психологии литературных героев и личности автора и вопрос о взаимосвязи автора и созданных им образов.

Говоря о различных типологических образованиях символистской критики, следует отметить, что отдельные критические тексты (в аспекте как диахронии, так и синхронии) могут тяготеть к нескольким тенденциям. Скажем, Мережковский в начале творческого пути близок к эстетическому течению, но на других этапах эволюции соотносим с философско-публицистическим течением. С другой стороны, в критике А. Белого практически одновременно появляются статьи в эстетическом и философском ключе.

В разделе 3.2. «*Принципы символистской критики*» доказывается тезис о том, что ведущим структурообразующим принципом символистских «текстов» о литературе стал *принцип символизации* явлений,

¹ Эта проблематика отразилась в полемике о «пределах критики» между Волошиным и Брюсовым в 1908 году [ЛН. – Т. 98, кн. 2. – С. 376-378].

распространяемый на литературные явления и на критику. На первый план выдвигается идея всеобщих связей литературных явлений, восприятие литературы как сложной системы отношений, где писатели, литературные тексты соотносимы друг с другом.

Исходя из утверждения о том, что «...всякое произведение искусства символично по существу»¹, символисты устанавливали преемственные связи между прошлым и современным состоянием литературы, искали типологических соответствий, аналогий.

Считаем возможным при объяснении этого подхода употребление понятия «анамнезис», уже использовавшегося при рассмотрении художественного творчества символистов². При этом возможны, по крайней мере, два типа аналогий: а) модернизация прошлого состояния литературы, идея предвосхищения современного в минувшем; русская литература рассматривается под знаком постоянного движения к символизму; б) архаизация современного состояния литературы, усмотрение в ней «цитат» из прошлого; при этом литература рассматривается как некий единый текст.

Как иллюстрация символистских подходов к литературе XIX века в разделе подробно рассмотрена интерпретация личности и творчества Е. Баратынского.

С точки зрения переосмысления, выделены направления интерпретации: наложение символистского миропонимания на произведение, его символизирование, освобождение его от конкретно-исторических рамок, выявление символистской природы современной литературы, интерпретации «промежуточные», где символистский объяснительный контекст сталкивается с воздействием (сопротивлением) художественного материала. Следует отличать: а) интерпретации, обращенные к «своим»; б) интерпретации пропагандистские (просветительские), практикуемые в многочисленных лекциях. Однако интерпретация «своих» дается в русле исповедуемого понимания «истинного» символизма, поэтому отступление от декларируемых принципов проявляется не только в «репродуктивных» (так, Вяч. Иванов, считая «ассоциативный» символизм прошедшим этапом, тем не менее дает глубокую характеристику лирики И. Анненского в статье «О поэзии Иннокентия Анненского»), но и в частых полемических интерпретациях.

Рассмотрению категории автора и субъектной структуры статей символистов посвящен раздел 3.3. «Авторское начало в статьях символистов», состоящий из 2-х подразделов: «Формы выражения авторского сознания» (3.3.1.) и «Типология автора как субъекта критической деятельности» (3.3.2.).

В подразделе 3.3.1. исходя из теоретических концепций Б. Кормана, Б. Егорова, А. Штейнгольд, И. Карпова поднимается вопрос о субъектных формах высказываний в статьях символистов, с учетом важных изменений в

¹ Белый А. Символизм / А. Белый. – М., 1910. – С. 8.

² Исупов К.Г. Историзм Блока и символистская мифология истории (Введение в проблему) / К.Г. Исупов // А. Блок. Исследования и материалы. – Л., 1991. – С. 3-21.

субъектной сфере на рубеже XIX-XX вв., получивших воплощение в неклассическом типе субъектных структур¹.

Эти процессы не обошли стороной и литературную критику, проявились в способах подачи материала (усиление функциональной роли «чужого» слова), в форме выражения авторского «я». Разные формы выражения авторского сознания в критике становятся проявлением диалогичности литературно-критического текста, его обращенности к читателю, произведению и к автору-художнику (последняя направленность диалога активизируется в критике начала XX века).

Общая тенденция в критике начала века (в символистской особенно) – в том, что среди форм речевого контакта в статьях увеличивается роль конструкций от лица автора. Эта форма характерна для значительной части статей А. Блока, З. Гиппиус, И. Анненского, М. Волошина, для отдельных статей А. Белого, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Д. Мережковского. Здесь может быть, во-первых, статья, построенная целиком от лица автора. Критик на протяжении всей статьи не скрывает своего отношения к автору, героям, ситуации. Наибольшей эффективностью этот прием обладает в том случае, если за использованием форм первого лица тянется и цепь сопутствующих лексических, синтаксических средств, конструкций разговорного характера, как у З. Гиппиус. В противном случае «я» «тонет» в потоке осложненного синтаксиса, традиционной журнально-публицистической лексики XIX века, как это происходит в ранних статьях Д. Мережковского. За «я» критика в этом случае стоит позиция скорее литературоведа, комментатора, внимательного филолога, переходящая затем в позицию публициста и проповедника.

«Мы» у символистов используется не в смысле обезличенности (мы «авторской скромности»), а в нескольких значениях: 1) автор и другие символисты; 2) автор и символисты – единомышленники по «стану», они могут быть противопоставлены «чуждым», «заблуждающимся» (например, «мистические анархисты» и В. Брюсов); 3) автор и его современники вне символизма; через них расширяется поле воздействия. С помощью местоимения «мы» символисты как бы приглашали читателя приобщиться к пропагандируемому образу мыслей. У символистов широко используется включение «мы» в другую сильную позицию – финальную часть статей, нередко в виде вопросительных конструкций. Усиление «мы» в финальных позициях статей (нередко это переход от «я» к «мы») свидетельствует о прагматически-публицистической установке символистских статей; оно выражает желание объединения автора с его современниками. Вместе с тем, безусловно, «страстного ораторского обращения ко всей России и всему человечеству» (А.М. Штейнгольд), как это могло быть у Белинского, у символистов не наблюдается.

Другой формой экспликации авторского «я» выступают текстовые («точечные») включения на фоне отстраненно-безличного повествования.

¹ См.: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М., 2001. – С. 292-297.

Образ автора-повествователя может включать авторское впечатление, авторское осмысление проблемы, включаться в предметную (как говорят лингвисты, денотативную) сетку текста. Перед читателем предстают не только интерпретирующе-оценочные суждения о литературных явлениях, но и о процессе подготовки статьи; критик не боится сказать о трудностях, стоящих перед ним («Страшно писать о Гоголе»¹), о встречах с читателем (в статьях М. Волошина, З. Гиппиус, И. Анненского). В последнем случае критик выступает как очевидец описываемых событий, и авторское «я» сближается с ролью мемуариста.

Другой формой повествования становится использование нейтрального объективного повествователя (статьи И. Коневского, В. Брюсова, теоретические статьи А. Белого, В. Иванова).

В подразделе 3.3.2. выделена типология автора как субъекта критической деятельности (художник, аналитик, игрок) и выявлены признаки каждого типа. С пониманием символистами критики как творчества мы связываем усиление смысловой и структурной значимости художественных элементов, соответствие стилового облика критических статей и художественной прозы. Ориентируясь на тип высокообразованного читателя, символисты учитывают его ожидания и запросы, вводят стиховедческий и стилистический анализ в структуру статей, обращаются к научным традициям. Занимая позиции критика-игрока (З. Гиппиус, А. Белый), сознательно стремятся к игровому поведению, к ироническому остранению, эпатажности. Данная авторская форма соотносима с присущим символизму жизнетворчеством (но уже на уровне критического творчества).

Четвертая глава диссертации **«Система жанров символистской критики: проблематика и поэтика»** включает следующие разделы: *«О жанрообразующих факторах символистской критики»* (4.1.), *«Теоретические жанры: манифест, статья-исследование, трактат»* (4.2.), *«Предисловие: программный характер и автокритика»* (4.3.), *«Рецензии. Роль поэтических, внутрисимволистских рецензий»* (4.4.), *«Литературно-критическая параллель как жанр и прием»* (4.5.), *«Литературный портрет: жанровые формы и принципы создания»* (4.6.), *«Жанры, ориентированные на картину литературного процесса»* (4.7.). В композиционном построении главы раздел 4.1. занимает место историко-теоретического введения.

Именно жанры выступают структурно-содержательным выражением целей и задач критики, соотношения в ней традиционного и новаторского; изменение представлений о роли тех или иных элементов жанровых структур позволяет судить о единстве общего и изменяющегося в критической общности, именуемой направлением.

Символисты обновили все литературно-критические жанры, но эта тенденция соединялась со стремлением опереться на наиболее позитивные жанровые поиски русской и европейской критики. Стремление к *синтезу* разнообразного культурного опыта, как нам представляется, наиболее явно

¹ Белый А. Гоголь // Киевская мысль. – 1909. – 19.03, № 78.

выразилось именно на уровне жанровых практик – в поэтике и прагматике того или иного критического жанра продолжался диалог с критической традицией. Этот принцип положен в основу анализа жанровой поэтики.

Особенно значима «важнейшая особенность жанровых трансформаций в литературе модернизма – *непосредственное* воздействие лирической стихии на традиционно более объективированные структуры»¹.

Параллельно возрастанию лирико-исповедального начала в литературе усиливается и тенденция лиризации критических жанров. Критика стремится к лаконизму, выразительности, поэтике впечатлений, активному выявлению авторского «я». Этот процесс аналогичен переходу от описательности, «панорамной» изобразительности к более концентрированным и обобщенным формам в литературе. Границы жанров раздвигались за счет синтеза литературно-критического (аналитического), документального и художественного начал.

Исследование жанров базируется на понятии «система жанров» в критике² (В.Н. Коновалов).

Выявлена такая форма проявления типологической общности, как *заглавия* статей. Подобно типологии названий художественных произведений, можно выделить несколько типов названий в критике: 1) нейтральные заглавия –повторяющие (или обобщенно передающие) название анализируемого произведения); 2) обозначающие тему и проблему статьи; 3) ориентированные на жанровые особенности критического выступления; 4) заглавия-цитаты, реминисценции из анализируемого произведения, из других текстов; 5) выражающие какую-либо эмоциональную (ироническую, сатирическую, сопереживающую) тональность по отношению к рассматриваемой проблеме; 6) имя писателя, сопоставление нескольких имен.

Символистская критика отходит от идеологически-оценочных заглавий. Названия исполнены большего доверия к литературе, искусству, к судьбе писателя, стремления понять смысл искусства («Испепеленный. К характеристике Гоголя», «Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества», «В. Соловьев. Смысл его поэзии» В. Брюсова, «Театр и современная драма», «Символизм и современное русское искусство» А. Белого, «Нужны ли стихи?» З. Гиппиус, «Что такое литература?» Эллиса, «Что такое поэзия?» И. Анненского, «О границах искусства» Вяч. Иванова и т.д.).

Хотя, безусловно, использовались и иронические заглавия, но главным образом во внутрисимволистской полемике или полемике с марксистской критикой. Они в большей мере характерны для А. Белого, Эллиса, З. Гиппиус («Детская свистулька», «Пророк безличия», «О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах», «Великий лгун» «Обломки миров» А. Белого, «О современном символизме, о «черте» и о «действе», «О вандализме в

¹ Келдыш В.А. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность / В.А. Келдыш // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – Кн. 1. – М., 2000. – С. 47-48.

² См.: Жанры русской литературной критики 70-80-х годов XIX века. – Казань, 1991. – С. 17.

современной критике» Эллиса, «Милая девушка», «Беллетристические воды», «Братская могила», «Засоборились» З. Гиппиус и т.д.).

Заглавия символистов показывают включенность этого направления в русскую и европейскую культуру. В состав заглавий входят упоминания образов и универсалий европейской культуры. Это обращение к персонажам европейской культуры, включение в заголовочный комплекс имен писателей, художников, мыслителей, «вечных» образов мировой литературы («Ибсен и Достоевский», «Кризис сознания и Генрик Ибсен» А. Белого, «Ницше и Дионис», «Байронизм как событие в жизни русского духа», «Лев Толстой и культура» В. Иванова, «О новом значении древней трагедии», «Мистическое движение» нашего века», «Дон Кихот и Санчо Панса» Мережковского, «Фауст и Мелкий бес» Г. Чулкова, «Несколько слов о типе Фауста», «Тип Дон Жуана в мировой литературе» Бальмонта и др.). В заглавиях работ, созданных после 1905-1906 гг., часто фигурируют слова «прошлое», «настоящее», «будущее», «заветы», «предчувствия» («Настоящее и будущее русской литературы» А. Белого, «Заветы символизма» А. Белого, «Искусство наших дней» Сологуба, «Будущее русской поэзии» Брюсова и т. д.).

Наиболее репрезентативными жанрами символистской критики стали *манифесты, теоретические трактаты, критические исследования (монографии), литературные портреты, рецензии, фельетоны, критические циклы, книги критических статей, статьи-речи, публичные лекции и рефераты*. Заметное место занимают также чисто информационные жанры (*заметки о выходе новых книг, хроника литературной жизни, открытое письмо, письмо в редакцию, диалог, параллель*). Ряд жанров символистской критики обусловлен традициями писательской критики: *литературно-критическое предисловие, авторецензия, полемическая статья с защитой собственных эстетических позиций*. Важный «генетический» показатель многих статей – то, что они выросли из докладов лекций, с которыми символисты выступали перед различной аудиторией.

Критические *манифесты* рассмотрены (раздел 4.2.) как такие жанровые образования, которые специально в качестве своей особой задачи ставят прогнозирование по отношению к литературе и критике. В них активизируется теоретический дискурс, заимствуются «родовые» черты обозрения, оценивается предшествующая литература. Вся система аргументации, соотношение логического и эмоционального начал, композиция данного типа критического текста направлены на то, чтобы убедить читателя в плодотворности и перспективности новых художественных принципов. Особое место в общении критика с читателем принадлежит формам повелительного наклонения 2-го и 1-го лица множественного числа со значением побуждения, объединения критика с читателем. Характерен «открытый» способ построения критического произведения. Усиливается такой структурный компонент, как обоснование особой роли искусства в жизни человека, обращенность к будущему в сюжете общения критика с читателем (акцентировка перспективных, с точки зрения критиков, тенденций литературы и жизни; в композиции – прием

перемещения точки зрения в будущее, роль «сильных позиций» - заглавия, эпиграфа, зачина и концовки).

Особо отмечено значение такого структурного элемента статей, как *концовка*. В финале – «сильной позиции» текста – обязательно переключение аналитических рассуждений в план ожидаемого будущего. Концовки статей-манифестов у символистов не имели той социально-политической окрашенности, как у шестидесятников и преемственно связанных с ними критиков-марксистов, но, пожалуй, отличались, как и у своих предшественников, не меньшим пафосом панэстетически-утопической устремленности служить грядущему, приближать его.

Типологическая общность теоретических жанров обнаруживается и в их *заглавиях*. Эстетическая установка влияет на тип заглавия: заглавия-цитаты («Священная жертва», «Поэт и чернь»), метафора («Ключи тайн»), заглавия с ключевым словом «символизм» («Символизм как миропонимание», «Символизм и современное русское искусство», «Мысли о символизме», «Заветы символизма»). В разделе анализируется поэтика типичных образцов теоретических жанров Д. Мережковского («О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»), В. Брюсова («О искусстве», «Ключи тайн», «Священная жертва»), К. Бальмонта («Элементарные слова о символической поэзии»), А. Белого («Символизм», «Настоящее и будущее русской литературы»), В. Иванова («Поэт и чернь», «Заветы символизма»); докладов-речей, написанных в период бурных полемик о «кризисе» символизма (Ф. Сологуб, Г. Чулков, В. Иванов).

На этапе раннего символизма теоретические статьи-исследования выполняют функцию манифеста, в период 1906 - 1910 годов – функцию обобщения, достигнутого символизмом (хотя манифестальность не уходит совсем), а в 1910-е годы смыкаются с задачами научной поэтики.

Выделены следующие стилевые разновидности: 1) с объективным типом повествования, с преобладанием теоретических способов доказательств; 2) субъективно-эмоциональные теоретические статьи.

Доказывается, что системообразующей основой работы Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» стала осознанная *программность*, вырастающая в исследование возможных путей формирования новой русской литературы и критики. Он выстраивает книгу, добиваясь большей убедительности соединением аналитичности с эмоциональной «заразительностью». Сравнение рукописи и окончательного варианта манифеста Мережковского демонстрирует, что критик сознательно усиливал художественное начало в своей работе. В манифестах В. Брюсова реализован *индуктивный* путь теоретических построений.

На этапе зрелого символизма создаются статьи-трактаты, обращенные и к *практике* русского и европейского символизма, и к *новым возможностям* литературы и искусства. Их критическая специфика проявляется в том, что авторы – А. Белый, Вяч. Иванов, Г. Чулков, М. Волошин, С. Соловьев, Эллис – пытались *преобразовать* то, что они изучают. Эта программа реализуется, прежде всего, в типе *теоретико-полемической* статьи. Ее концепция

строится на споре (опровержении) различных взглядов на русскую литературу и символизм. В критике А. Белого это вылилось в создание особой жанровой разновидности статьи-исследования, в которой сплавлены теоретическая аргументация, обширное использование литературоведческой, философской, эстетической терминологии и метафорических способов выражений. У Вяч. Иванова представлены формы статей, приближающиеся к типу научного филологического трактата.

С теоретическими статьями связан в системе жанров символистской критики и жанр *предисловия* (раздел 4.3). Развитие этого жанра связано напрямую с чрезвычайным подъемом книжной культуры начала XX века, особенно с выходом многочисленных поэтических книг (сборников), альманахов. У символистов, как известно, формировалось представление о поэтической книге как особом единстве, в котором все, начиная с названия и эпиграфа и включая названия стихотворений в циклах, было объединено единой мыслью. Поэтому для символистов определяющее значение имели предисловия к *поэтическим* книгам.

Предложена классификация символистских предисловий: с точки зрения соотнесения с жанром предваряемой книги (предисловия к поэтическим книгам, к художественной прозе, к драматургии, к книгам критических статей); по доминированию целевой установки (предисловия – программные декларации; предисловия-автоинтерпретации; предисловия-трактаты; предисловия, предназначенные для иностранного читателя); с точки зрения субъекта: предисловия авторские (они доминируют) и неавторские.

В 1890-е годы представлены предисловия *программного* характера, связанные с борьбой за символизм и «введение» его принципов в современное поэтическое сознание. Цикл брюсовских предисловий способствовал росту теоретического осознания символизма и его принципов, формированию самосознания первых русских символистов, представлявших еще довольно малую и далеко не единую по своим устремлениям группу. Брюсов умело использовал возможности жанра для достижения четко поставленных целей.

В 1890-е годы к программно-теоретическим предисловиям относятся предисловия Д.С. Мережковского к «Вечным спутникам» и П.П. Перцова к сборнику «Философские течения русской поэзии». Они принадлежат к другому жанровому типу – очень распространенному в критике конца XIX - начала XX веков – *предисловий к критическим книгам* (сборникам). В ситуации переходности функционально они пропагандировали принципы новой критики. Рассмотренная в разделе часть переписки В. Брюсова с П. Перцовым, в том числе письмо П. Перцова к В. Брюсову (10 авг. 1895 г.)¹ позволяет сделать вывод о значимости перцовского сборника для теоретического самосознания новой критики и позволяет иначе посмотреть на роль предисловия к нему.

¹ ОР РГБ. Ф. 386.98.4

Традиция предисловий к критическим книгам продолжится в 1900-е годы: при этом манифестально-программирующая функция предисловий уходит, заменяясь интерпретацией собственных художественных принципов, выраженных в каком-либо конкретном произведении.

Особое развитие получает жанровая форма предисловия к поэтическим книгам (сборникам). В большинстве своем в них находили выражение различные направления *автокритики*: художественное и философское истолкование книги, интерпретация названия, композиционных принципов, «обнажение приема», включение книги в контекст собственной творческой эволюции, отстаивание теоретико-полемических целей. Жанровая модель предисловия, где соединяются литературно-критическое и игровое начала, представлена у Ф. Сологуба.

Символисты уделяли особое внимание жанру *рецензии* во всех периодических изданиях. При этом действовал не столько количественный фактор (оценить все выходящие новинки), сколько художественно-эстетический. Рецензия должна быть прежде всего *интересной*.

Важнейшая особенность многих рецензий символистов – наличие *теоретического* элемента. Структурно-композиционная роль теории могла быть разной (исходные формулировки, «вплетенность» в ход разбора, наблюдения «по поводу», теоретические выводы и т.д.), но в любом случае теоретические вопросы выходили за рамки чисто прикладной роли и приобретали самостоятельное значение. В своем «пределе» эта тенденция приводила к переходу рецензии в чисто теоретическую статью – тип работы, в которой произведение служит поводом для собственных выводов о теоретических проблемах литературы.

Другим жанрообразующим фактором становятся внешние условия, «предлагаемые эпохой, более или менее стандартные для данного времени печатного оформления»¹. Каждый журнал вырабатывал свою политику рецензирования, на которую ориентировался критик. Требование краткости исходило от фактических редакторов изданий. Обсуждались тактические вопросы «смягчения» тона резких рецензий, если это было необходимо.

Поэтика рецензий существенно зависела от объекта рецензирования и рассмотренных нами (глава 3) теоретических принципов символистской критики. В этой связи по-разному выстраивались рецензии: а) посвященные «своим» (в широком смысле слова); б) реалистам (также в широком смысле слова, где были разные градации – от высоких образцов до средней беллетристики); в) массовой (эпигонской) литературе.

Количественно (с точки зрения жанрово-родовых особенностей объектов рецензирования), по сравнению с критикой XIX века, преобладали рецензии на *поэтические* произведения.

Можно говорить о смене содержания структурных элементов рецензии: во-первых, происходит сознательный отход от импрессионистских суждений, во-вторых – поэтическое явление должно рассматриваться в контексте

¹ Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д.Е. Максимов. – Л., 1975. – С. 259.

современной истории поэзии. В оценке поэтического произведения нет места пересказу, нельзя прочитывать стихотворный текст по законам прозаического. Символисты стали широко вводить в рецензии стиховедческие элементы: вопросы построения стиха, метрики, строфики, поэтических мотивов, поэтической образности, синтаксиса. Это делало их рецензии аналитически убедительными. Нередко вся рецензия строилась на стиховедческих проблемах.

Функция рецензии сводилась не только к оценке (тому, что изначально присуще этому жанру), но и к задачам борьбы утверждения новых принципов поэзии, воспитанию культуры восприятия современного стиха. Поэтому в структуре символистской рецензии увеличивалась значимость такого элемента, как определение места произведения в творчестве поэта и в развитии поэзии в целом, в сопоставлении с предшественниками и современниками в русской и зарубежной поэзии. Основанием сравнения часто выступал фактор преемственности стиховой традиции, обвинение в стихотворном эпигонстве, обновление формы стиха на фоне классической традиции и т.д. В этом контексте рассмотрены рецензии В. Брюсова как продолжение традиций т.н. *короткой рецензии*.

В символистской критике сочетались две разнонаправленные тенденции: стремление выдержать «канон» жанра и ориентация на творческую свободу от законов жанра. Вторая тенденция выражалась в создании *лирических рецензий* (А. Блок, М. Волошин, Вяч. Иванов, З. Гиппиус). В лирических коротких рецензиях, восходящих к традициям эмоциональных рецензий Белинского, оценка выражается через эмоциональное начало (интонацию, грамматические конструкции, цитатность, образность, явное обнаружение авторского «я»). Значительную роль играют изобразительно-выразительные обороты авторской речи, критик стремится создать *образ* писателя. Критическая рецензия становится неким аналогом стихотворения в прозе. В этом случае метафорический образ развивается на протяжении всего текста рецензии, обеспечивая единство всего оценочного текста.

Рецензии о «своих» окрашены в большей мере личностными отношениями, которые влияют на оценку, на способы аргументации. Такова, например, рецензия А. Белого на второй сборник стихов А. Блока «Нечаянная радость». В этом смысле *внутрисимволистские* рецензии были далеки от однозначности и от похвал. В связи с анализом рецензий обращается внимание на проблему *пересказа* художественного текста в их статьях. Это составной элемент самых разных жанров, но в рецензии занимает особое место как прием передачи содержания произведения, «представления его читателю», как своеобразная форма оценки. Символисты отходят от подробных воспроизводящих пересказов классической критики. Уровень читательской культуры адресата снижает необходимость аналитического пересказа текста. Пересказ в основном переходит в область иронических, полемических рецензий, посвященных «чужим». Однако

иронически сжатый пересказ как средство предметной критики и негативной оценки включался и в рецензии о «своих».

И наоборот, вопреки общему неприятию писателей-реалистов, во многих рецензиях символистов давался тонкий анализ особенностей реалистических произведений М. Горького, И. Бунина, Л. Андреева, А. Чехова и других (рецензии М. Волошина на «Стихотворения» И. Бунина, Мережковского на «Детство» Горького, Гиппиус на «Деревню» Бунина, Д. Filosofova на повести Горького «Исповедь» и «Жизнь ненужного человека» и другие). В то же время подобные рецензии демонстрируют один из явных *парадоксов* – «качественное превосходство критической практики над ее теорией» (М.Г. Зельдович), так как речь идет о творческой *писательской* рецензентской деятельности.

Стремление символистов к широкой сопоставительности, к выстраиванию различных типологических связей, поиску предшественников в литературе вызывает активизацию в их творчестве *параллели* как *приема* и *жанра* (раздел 4.5). Основным *жанрообразующим* принципом параллели становится сравнительный анализ. Только в том случае, если сравнение охватывает весь текст статьи, является его доминантой, определяет композицию статьи от начала до конца, обеспечивая связи между различными сопоставляемыми явлениями, можно говорить о параллели как *жанре*. Частное «вкрапление» (на микроуровне) сопоставления образует *прием* параллели.

В эпоху серебряного века с его широкой обращенностью к русской и мировой культуре этот жанр получает новую жизнь. В конце XIX – начале XX веков жанр параллелей активизируется в критике самых разных направлений. Серебряный век, как можно заметить, разнообразил этот жанр, вводя сопоставление типа «писатель – философ» («Ницше и Горький» и т.д.), «писатель – художник» («Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (параллели)» С. Булгакова, русско-зарубежные сопоставления, особенно у М. Волошина, К. Бальмонта) литературных героев (так, в статье Д. Filosofova «Евсей и Матвей» сопоставляются герои повестей Горького «Жизнь ненужного человека» и «Исповедь»); в объект сопоставления включаются мифологические образы и эстетические понятия (Дионис, мистерия и т.д.). Читаются лекции-параллели.

Развитые, усложненные и детализированные сопоставления – одна из особенностей композиционной структуры статей символистов. Это проявление принципов символистской критики на уровне приема и жанра. *Прием* сопоставления часто выступает в эстетической функции в теоретических фрагментах статей для демонстрации индивидуального своеобразия авторского стиля, как выделение художественного приема в творчестве рассматриваемого писателя. Самое заметное место параллель заняла у Д. Мережковского, в творчестве которого прослежен переход от приема к параллели как жанру.

Литературная параллель представлена у Мережковского в «чистом» виде: критическая монография-параллель «Л. Толстой и Достоевский»,

статьи-параллели «Горький и Достоевский», «Чехов и Горький», «Суворин и Чехов», «Две тайны русской поэзии (Некрасов и Тютчев)» и др. Внешним «опознавателем» жанра выступают контрастные (бинарные) оппозиции в *названиях* статей. Но у Мережковского много и частных контрастных параллелей, на которых строятся внешне монографические статьи. В статье «Лермонтов – Поэт сверхчеловечества» значима параллель Лермонтов – Пушкин. В статье «В обезьяньих лапах» (о Л. Андрееве) зачином служит параллель Андреев – Горький. В статьях «Не святая Русь» (религия Горького), «Тургенев» развернуто сопоставление Горького, Тургенева и Толстого – Достоевского (как некое целостное воплощение русского религиозного сознания). Рассмотрена этапная на пути формирования параллели статья «Пушкин».

Параллель становится необходимым звеном в выстраиваемых символистами различных концепциях русской литературы, чтобы подчеркнуть преемственность символизма и классической литературы XIX века; в поисках предшественников, «предтеч»; для выявления связей русской литературы с западноевропейской художественной и философской мыслью.

В разделе 4.6. выявлены жанровые формы и принципы создания литературно-критического *портрета*. Символистам интерес к жанру портрета достался по «наследству» от критики 1870 - 1880-х годов, где этот жанр переживал период расцвета. В то же время в самом подходе к личности писателя они стремились оттолкнуться от радикальной, публицистической критики, ее стиля, языка, пытались найти свой «ключ» к душе писателя. «Как писатель относится к вечным вопросам о Боге, о смерти, о любви, о природе всего более интересует нового критика, т.е. именно та сторона поэзии, мимо которой прежнее поколение публицистов проходило с равнодушием и непониманием: как будто все общественные идеалы, земная справедливость и равенство не основываются на этих вечных, легкомысленно отвергнутых и теперь с новой силою, с новой болью вернувшихся вопросах»¹.

На рубеже XIX - XX веков развивается несколько разновидностей портретов: очерк творчества, философско-публицистический портрет, портрет-отражение, портрет-силуэт, некролог. В портретах символистов значительно ослабляется такой компонент, как связь творчества и социально исторической действительности, но усиливается стремление понять художественный мир, личность поэта, философско-психологическое и религиозное содержание творчества. Личность писателя привлекала символистов в связи с интересом к проблеме гения, пришедшей от романтиков. Символисты придают большое значение историко-функциональной характеристике героев и писателей – их «жизни» в разных эпохах. Их интересует и необычное в писательских личностях. Символистская критика, как и предшествующая, не смогла избежать сложностей, типичных для этого жанра. Но биографическое начало является для портретирования менее необходимым. Если и используются

¹ Мережковский Д.С. Эстетика и критика. В 2-х тт. Т. 1. – М.: Харьков, 1994. – С. 221.

биографические факты, то они в своем целостном выражении формируют образ-миф писателя. Специфика символистского портретирования рассмотрена в разделе на примере статей о М.Ю. Лермонтове. Импрессионистское видение выразилось в популярном жанре *силуэта*. Портреты-силуэты создавали К. Бальмонт, И. Анненский, М. Волошин, А. Белый, Н. Петровская. Статьям-силуэтам присущи такие черты, как усиление авторского «я», интимизация, эскизность, настрой на «положительную» критику.

Из символистов лишь А. Белый давал своим статьям жанровое обозначение «силуэт» («Валерий Брюсов. Силуэт», «Бальмонт. Силуэт», «Мережковский. Силуэт», «Вячеслав Иванов. Силуэт»), что мы считаем чрезвычайно важным в изучении жанра. «Силуэты» А. Белого более соответствуют переносному значению слова «силуэт»: словесными средствами в них переданы смутные очертания внешнего облика и внутреннего мира писателя. Это дружественные силуэты, посвященные современникам-символистам.

В *некрологах* становится меньше информативных элементов, биографической части, а больше – личностной интонации, происходит отход от обязательного для этого жанра панегирического пафоса.

Эта же тенденция отхода от традиционных «канонов» жанра характерна и для *юбилейной статьи*. В юбилейной статье могло усиливаться *теоретическое* начало. В то же время юбилейная статья не исключала и «негативных» интонаций. Часто это было связано с тем конкретным отношением к писателю, которое переживал символист в период написания статьи.

В разделе 4.7. объединены разные, но во многом близкие жанры, связанные общей целью – дать итог, картину литературной жизни времени, показать преобладающие тенденции литературного развития. В символистской критике эта задача решалась как через традиционные обозрения, так и через литературно-критическую *циклизацию* и *книги* (сборники) критических статей.

Получивший значительное развитие в романтической критике, в деятельности Белинского жанр обозрения как такового не стал определяющим для символистов. В связи с ростом книжной продукции, усложнением литературной жизни, ее интенсивностью критике было труднее выявить в литературных явлениях их сущность, найти объединяющий фактор, определить линию развития явлений.

Акцентированное внимание к личности автора и независимому статусу отдельных литературных произведений естественно сужает для символистов значимость обозрений, особенно в том понимании, как в XIX веке.¹ Но *обзорность* могла проникать в другие жанры, например, в столь значимые для символистов манифесты («О причинах упадка и о новых течениях

¹ Вместе с тем современники писали о необходимости «давать общие синтетические обзоры в связи с философскими и моральными настроениями и намечать новые задачи» [Золотое руно. – 1907. - № 4. – С. 80].

современной русской литературы» Мережковского содержит обобщенный обзор современного литературного поколения и критики). С другой стороны, полирецензия, включающая оценку нескольких книг, потенциально тяготеет к обзору. Поэтому необходимо говорить не о «смерти» обозрения, а о новых путях отражения в статьях картины литературного процесса. Новая тенденция символистской критики – написание обзорных статей о русской литературе для *зарубежного* читателя. Таковы три обзора К. Бальмонта (1898-1900) и шесть обзоров В. Брюсова (1901-1906) для английского еженедельника «The Athenaeum». Эти обозрения можно отнести к типу информационных полиномных обозрений смешанного типа.

Символисты делали попытки возродить и годовые обозрения поэзии (Брюсов «Год русской поэзии. Апрель 1913 – апрель 1914»), обозрения литературы за более протяженный период.

Своеобразным «заменителем» обзора станут статьи-полирецензии на различные поэтические книги: к ним тяготеют не те статьи, где как бы механически соединяются рецензии на два и более сборника, а дается сравнение и сопоставление. Такой подход проявляется уже в рецензиях-параллелях В. Брюсова, но в полной мере реализуется в рецензиях-обзорах в «Весах» и «Русской мысли» под общим заглавием «Новые сборники стихов». Если Брюсов «специализировался» на обзоре поэзии, то З. Гиппиус – на прозе.

Наряду с обозрениями, дополняя их, а часто и замещая, в символистской критике широко развивается *циклизация*. Многие литературно-критические циклы символистов содержат выраженные в разной степени признаки целенаправленной организации, как и их поэтические сборники. По аналогии с художественным циклом можно говорить о том, что и в критике циклизация не носит «готового» вида, но существует как «возможность», активизирующая читательское восприятие (М.Н. Дарвин). В символистской критике представлены различные *варианты* циклизации (в «Весах» роль обзора выполняли объединенные под одним заглавием полирецензии на поэтические книги).

Роль обзора играли объединенные под одним заглавием полирецензии на поэтические книги, циклы, основанные на тяготении к единству регулярно публикуемых обзорных статей, посвященных одному периодическому изданию, альманаху. Широко использовалась циклизация, основанная на разновременном принципе. Это явление характерно для широко распространенных *книг* критических статей символистов.

История литературной критики должна учесть и такое явление литературно-критического процесса, возникшее на рубеже XIX – XX веков и получившее распространение в XX веке, как публикация книг (сборников) критических статей. Обычно к подобным книгам исследователи обращаются с целью рассмотрения содержания работ, вошедших в них. Но к ним можно подойти и как к попыткам создания особой целостности формы, отражающим культуру составления книг в серебряном веке.

Активизация критических сборников связана и с проблемой книги в начале XX века, особенно актуальной и для символистов (роль В. Брюсова в этом деле хорошо изучена). Книготворческие взгляды символистов оказывали влияние и на опыты в области критики. Пресловутая книжность (металитературность) символистов искала выхода за пределами только собственно художественных книг.

Книга статей стала выполнять роль своеобразного «заменителя» жанра обзора, ушедшего в это время на периферию. Как и другие жанры в критике, сборники были призваны не только выражать индивидуальный взгляд на литературу прошлого и настоящего, но и убедительно *воздействовать* на литературу и читателя. Необходимо учитывать и историко-литературную роль подобных книг. Они позволяют зафиксировать историческую перспективу, движение времени, путь развития литературы в «зеркале» критики.

Можно выделить несколько *типов* организации книг: хронологический, проблемный, тематический, жанровый. Очень широк диапазон жанровых форм: литературный дневник («Литературный дневник» З. Гиппиус, третий раздел «Арабесок» А. Белого,), критика о критике («Русские критики» А. Волынского, коллективный сборник «О критике и критиках»), философско-эстетическое эссе («По звездам» В. Иванова), книга об отдельном литературном направлении («Символизм» А. Белого, «Русские символисты» Элліса), сборник о творчестве одного писателя, составленный различными авторами («О Ф. Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Сост. А. Чеботаревская»), сборник портретов о различных писателях («Книга о русских поэтах последнего десятилетия» под редакцией М. Гофмана, «Поэты наших дней (Критические этюды)» Н. Пояркова), книги о писателях прошлого («Вечные спутники» Мережковского, «Русская Камена» Б. Садовского), о писателях прошлого и современности («Далекие и близкие» В. Брюсова, «Книги отражений» И. Анненского, «Борьба за идеализм» А. Волынского), о современниках («Наши спутники» Г. Чулкова), «смешанные» сборники критики и поэзии («Философские течения русской поэзии» П. Перцова, «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» М. Гофмана, «Стихи и проза» И. Коневского), критики литературной и художественной, путевых очерков, литературно-философских эссе, лирики («Горные вершины», «Белые зарницы», «Морское свечение» К. Бальмонта, «Лики творчества» М. Волошина).

Символисты не рассматривали, как правило, книги статей как простое переиздание ранее опубликованных статей, а как концептуальное единство, синтез. В предисловиях к книгам давалась *авторская установка* на восприятие внутреннего единства статей. Известно несколько вариантов титульного листа, оглавления и предисловия И. Анненского ко «Второй книге отражений», несколько редакций предисловия к «Ликам творчества» Волошина.

Помещенные в контекст, в ситуации «единства и тесноты» сборника статьи обнаруживали новые стороны, ранее не воспринимавшиеся,

производили нередко впечатление большей цельности, чем на газетной полосе или в журнале. Место той или иной статьи в составе сборника не было случайным. Перед авторами стояла задача отбора и доработки статей, чтобы они представляли самостоятельное целое, отвечающее основной задаче книги.

В этой связи в разделе рассмотрены на конкретном материале (книги Д. Мережковского, В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Белого) такие аспекты, как место той или иной статьи в составе целого, сопоставление журнального (газетного) и книжного варианта статей, роль предисловий и послесловий, работа критика над композицией книги.

Число обзоров, циклов, книг статей увеличивается на этапе зрелого символизма, подведения итогов и перспектив. Симптоматично, что символисты начинали с манифестов и заканчивали книгами – итогами творческого пути. Подобную функцию первых итоговых опытов самоописаний символизма, видных в историко-литературной перспективе, выполняли «Русские символисты» Эллиса, «По звездам», «Борозды и межи» В. Иванова, «Покрывало Изида», «Наши спутники» Г. Чулкова.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Тенденция к обновлению философско-эстетических принципов, жанров, стилей была характерна для многих направлений русской критики конца XIX - начала XX веков, но именно в символизме она приобрела наиболее масштабное, теоретически обоснованное и практически реализованное выражение. Осознание символистами того, что ни литературоведение, ни профессиональная критика не способны оценить и понять современную литературу и «вершины» прошлого, приводило их к двойственной активности – и в художественном творчестве, и в критике. В этом смысле символисты продолжали компенсировать своей деятельностью недостатки критики того времени. Однако их деятельность как критиков носила более интенсивный и целенаправленный характер, чем в XIX веке. В писательской критике такого масштаба меняется сам механизм, регулирующий художественную коммуникацию. Художник как критик (или критик как художник, что тоже нередко у символистов) соединяет в себе и автора, и посредника между искусством (собственным, своего направления и своих единомышленников) и публикой. Связь, направленная от художника к читателю, дополняется теоретико-эстетическим компонентом, непосредственно выраженном в критическом дискурсе. Выявление разных форм диалога символистов с критической и литературоведческой традицией позволило охарактеризовать их критику генетически как результат различных линий эволюции русской критики, с другой стороны – западноевропейской теории критики, обобщения и адаптации новых принципов критики к задачам своего направления. Важнейший вклад символистов в практику критики мы связываем с развитием разнообразных критических жанров. Стремление к синтезу многообразного культурного

опыта, аналитического и художественного начал наиболее ярко выразилось именно на уровне поэтики и прагматики того или иного жанра.

В связи с проведенным исследованием встают новые научные задачи. Так, требуется изучить историческую эволюцию и динамику символистской критики, темпы ее обновления в соотношении с литературой. Необходимо также осмыслить символистскую критику в контексте критики начала XX века: в соприкосновениях и взаимоотталкиваниях с религиозно-философской, марксистской, психологической, массовой (фельетонной) критикой. Нуждается в изучении и продолжение традиций символизма в критике акмеизма, футуризма, русской эмиграции. Ведь она – исток преобразований в критике, смены философско-эстетических парадигм.

Предметом изучения могут стать речи символистов в их сопоставлении со статьями (и вообще ораторика символистов, что расширяет представление об устных формах бытования критики в начале XX века); жанры с комической доминантой (фельетон, памфлет), различные периферийные жанры. **Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:**

I. Монография:

1. Крылов, В.Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры / В.Н. Крылов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. – 268 с. (16,75 п.л.) ISBN 5–7464–1314–3

II. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

2. Крылов, В.Н. Жанровые особенности литературных портретов М.Ю. Лермонтова в русской критике конца XIX – начала XX в. / В.Н. Крылов // Литература в школе. – М., 2005. - № 8. – С. 11-15. (0,5 п.л.) ISSN 0130–3414

3. Крылов, В.Н. Теоретические принципы изучения жанров символистской критики / В.Н. Крылов // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. - № 5/1 (45). – С. 93-101. (0,7 п.л.) ISSN 1810–5378

4. Крылов, В.Н. (рец.) // Вопросы литературы. – М., 2006. - № 6. – С. 346-349. – Рец. на: Н.И. Якушин, Л.В. Овчинникова. Русская литературная критика XVIII – начала XX века. М.: ИД «Камерон», 2005. 816 с.; Л.М. Крупчанов. История русской литературной критики XIX века. М.: Высшая школа, 2005. 383 с. (0,25 п.л.) ISSN 0042–8795

5. Крылов, В.Н. Поэтика литературно-критического текста как предмет научного изучения / В.Н.Крылов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2007. – Т.149, Кн.2.- С. 110-122 (0,9 п.л.)ISSN 1815-61-26

6. Крылов, В.Н. Критическая статья на уроке литературы / В.Н. Крылов // Русская словесность. – М., 2007. - № 6.-С.7-13 (0,5 п.л.) ISSN 0868–9539

III. Научные статьи и материалы конференций; методические пособия.

7. Крылов, В.Н. Специфика критической интерпретации русской литературы XIX в. в философской критике конца XIX – начала XX в. / В.Н. Крылов // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни:

Тезисы межгос. науч. конф. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. – Ч. 1. – С. 67-69. (0,1 п.л.)

8. Крылов, В.Н. Г.Р. Державин в литературной критике Серебряного века / В.Н. Крылов // Г.Р. Державин: История и современность. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. – С. 68-74.(0,5 п.л.) ISBN 5–7464–0977–4

9. Крылов, В.Н. Возвышенное в русской литературе (совм. с В.Н. Коноваловым, Я.Г. Сафиуллиным). Антология. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1994. – 286 с. (16,7 п.л./ 3,5 п.л.) ISBN 5–7464–1045–4

10. Крылов, В.Н. Жанры литературно-критических выступлений З.Н. Гиппиус в журнале «Русская мысль» / В.Н. Крылов // Проблемы современного изучения русского и зарубежного историко-литературного процесса: Материалы XXV зональной научно-практической конференции литературоведов Поволжья и Бочкаревских чтений (22-25 мая 1996 г.). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1996. – С. 356-358. (0,2 п.л.) ISBN 5–8428–0084–5

11. Крылов, В.Н. (рец.) // Kritikon Litterarum. – 1996. – Vol. 23, Н. 5/6. – S. 67-68. Рец. на: Елизаветина Г.Г. Писарев-критик. Начало пути.– М., 1992. (0,1 п.л.)

12. Крылов, В.Н. Книга литературно-критических статей в Серебряном веке («Литературный дневник» З.Н. Гиппиус) / В.Н. Крылов // IX Пуришевские чтения. Всемирная литература в контексте культуры. – М.: Изд-во МПГУ, 1997. – С. 181. (0,1 п.л.)

13. Крылов, В.Н. Возвращение З. Гиппиус (Критическая проза Антона Крайнего) / В.Н. Крылов // Русская критика XIX века и проблемы национального самосознания: Межвуз. сб. науч. трудов. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. – С. 179-186. (0,5 п.л.) ISBN 5–8428–1000–0

14. Крылов, В.Н. В.Г. Белинский и его критическая деятельность в полемических диалогах символистов (в связи с размышлениями о природе русской интеллигенции) / В.Н. Крылов // Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX в. Материалы Республ. науч. конф., посвященной 100-летию Г. Шарафа, 3-4 дек. 1996 г. – Казань: Новое знание, 1997. –С.48-50 (0.5 п.л.) ISBN 5-89347-009-5

15. Крылов, В.Н. Творчество И.А. Гончарова в интерпретации русской символистской критики конца XIX – начала XX в. / В.Н. Крылов // Гончаровские чтения 1995-1996. – Ульяновск: УГТУ, 1997. – С. 90-98. (0,7 п.л.) ISBN 5–89146–025–4

16. Крылов, В.Н. Жанр статьи-манифеста в литературной критике русского символизма (1890 – 1900-е гг.) / В.Н. Крылов // Языковая семантика и образ мира. Тезисы Междунар. науч. конф., посвященной 200-летию университета, 7-10 окт. 1997 г. Кн. 2. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. – С. 171-173. (0,2 п.л.) ISBN 5–7464–1248–1

17. Крылов, В.Н. О месте очерка «Пушкин» в сборнике Д.С. Мережковского «Вечные спутники» и о спорах о Пушкине в русской критике 1890-х годов / В.Н. Крылов // А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 200-

летию со дня рождения А.С. Пушкина. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – С. 41-42. (0,1 п.л.) ISBN 5–900044–14–9

18. Крылов, В.Н. Формирование принципов изучения поэтики в русской символистской критике конца XIX – начала XX в. / В.Н. Крылов // Ученые записки Казанского университета. Т. 135. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – С. 257-263. (0,5 п.л.) ISBN 5–900044–43–2

19. Крылов, В.Н. Д.С. Мережковский о «миросозерцании» Пушкина / В.Н. Крылов // Ученые записки Казанского университета. Т. 136. – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – С. 64-70. (0,5 п.л.) ISBN 5–900044–42–4

20. Крылов, В.Н. Русские символисты об отличиях и общности романтизма и реализма / В.Н. Крылов // Мир романтизма. Вып. 1 (25). Материалы междунар. науч. конф. «Мир романтизма» (VIII Гуляевских чтений). – Тверь, 1999. – С. 211-215. (0,4 п.л.)

21. Крылов, В.Н. Е. Боратынский в восприятии русских символистов (1890 – 1900-е гг.) / В.Н. Крылов // Ученые записки Казанского университета. Т. 139. – Казань: Из-во Казанского ун-та, 2000. – С. 77-85. (0,6 п.л.) ISBN 5–7464–0484–5

22. Крылов, В.Н. Генрих Риккерт и теоретические споры в русском литературоведении и критике начала XX в. / В.Н. Крылов // Deutsch-russischer Dialog in der Philologie. – Peter Lang: Europaischen Verlag der Wissenschaften. – Sonderdruck, 2001. – S. 95-104. (0,7 п.л.)

23. Крылов, В.Н. История русской литературной критики XVIII – начала XX в. Методические указания / В.Н. Крылов. – Казань: Лаборатория оперативной полиграфии КГУ, 2001. – 50 с. (3,25 п.л.)

24. Крылов, В.Н. Размышления В.В. Розанова о прошлом и настоящем русской литературной критики / В.Н. Крылов // Энтелехия. Научно-публицистический журнал. – Кострома, 2001. - № 1 (3). – С. 37-41. (0,5 п.л.) ISBN 5–7591–0445–4

25. Крылов, В.Н. Основные направления интерпретации русской литературы в «философской» критике конца XIX – начала XX в. / В.Н. Крылов // XIII Пуришевские чтения. – М.: МПГУ, 2001. – С. 124-125. (0,1 п.л.)

26. Крылов, В.Н. «Благоухание седин» (З. Гиппиус о Л. Толстом) / В.Н. Крылов // Молодой Л.Н. Толстой: Сб. статей. – Казань: Рут, 2002. – С. 183-184. (0,1 п.л.) ISBN 5–901132–08–4

27. Крылов, В.Н. Жанр литературной параллели в критике Д.С. Мережковского / В.Н. Крылов // XIV Пуришевские чтения. Сб. статей и материалов: В 2 ч. – М.: МПГУ, 2002. – Ч. 1. – С. 159-160. (0,1 п.л.)

28. Крылов, В.Н. Манифесты раннего русского модернизма (поэтика жанра) / В.Н. Крылов // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: Сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (20-22 февр. 2002 г.): В 3 т. – Соликамск, 2002. – Т. 1. – С. 254-263. (0,8 п.л.) ISBN 5–89469–050–1

29. Крылов, В.Н. Немецкая тема в критической прозе Ивана Коневского / В.Н. Крылов // Поэтическое перешагивание границ: Юбил. сб. к 65-летию

Почетного доктора Казанского государственного университета Г. Гиземанна. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. – С. 123-132. (0,7 п.л.) ISBN 5–7464–0694–5

30. Крылов, В.Н. Осмысление «философии природы» в русской критике конца XIX – начала XX в. / В.Н. Крылов // Природа: материальное и духовное. Тезисы и доклады Всерос. науч. конф. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Ленингр. гос. обл. ун-та им. А.С. Пушкина. 6-7 июня 2002 г. – СПб: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. – С. 14-15. (0,1 п.л.) ISBN 5–8290–0339–2

31. Крылов, В.Н. О переходном периоде в истории русской литературной критики (становление «молодой критики» в конце 1880-х – 1890-е гг.) / В.Н. Крылов // Критика и ее исследователь: Сб., посвященный памяти профессора В.Н. Коновалова. – Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2003. – С. 116-127. (0,8 п.л.) ISBN 5–98180–020–8

32. Крылов, В.Н. Эпистолярное наследие как источник изучения истории русской литературной критики / В.Н. Крылов // Русская и сопоставительная филология. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2003. – С. 212-214. (0,2 п.л.) ISBN 5–98180–031–3

33. Крылов, В.Н. (рец.) // *Kritikon Litterarum*. – 2003. ½ (30). Jahrgang 2003. – S. 53-55. Рец. на: Колобаева Л.А. Русский символизм. – М., 2000. (0,2 п.л.)

34. Крылов, В.Н. Мифопоэтика в литературно-критических статьях символистов / В.Н. Крылов // II Международные Бодуэновские чтения: Труды и материалы: В 2 т. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2003. – Т. 2. – С. 163-164. (0,2 п.л.) ISBN 5–98180–047–х

35. Крылов, В.Н. Образы Германии в критических эссе рубежа XIX – XX вв. (И. Коневской, В. Розанов, А. Белый) / В.Н. Крылов // XVI Пуришевские чтения. – М.: МПГУ, 2004. – С. 90. (0,1 п.л.) ISBN 5–89527–047–6

36. Крылов, В.Н. Западноевропейская критика, литературоведение и становление русской символистской критики / В.Н. Крылов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского университета – Казань: Казанский гос. ун-т, 2004. – С. 311-312. (0,3 п.л.) ISBN 5–98180–118–2

37. Крылов, В.Н. В. Розанов: На пути к религиозно-философской критике / В.Н. Крылов // Актуальные проблемы изучения литературы в вузе и школе. В 2 т. – Тольятти: ТГУ, 2004. – С. 203-207. (0,4 п.л.) ISBN 5–8529–0230–9

38. Крылов, В.Н. Натурфилософская проблематика в русской критике конца XIX – начала XX в. / В.Н. Крылов // Природа в художественной литературе: Материальное и духовное. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2004. – С. 15-23. (0,5 п.л.) ISBN 5–8290–0339–2

39. Крылов, В.Н. Державин и художественное сознание 1910-х годов (по материалам критики русского постсимволизма) / В.Н. Крылов // Г.Р. Державин глазами XXI века (к 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина).

– Казань: Казанский гос. ун-т, 2004. – С. 100-106. (0,4 п.л.) ISBN 5–98180–147–4

40. Крылов, В.Н. Книги критических статей: Особенности жанровой формы в конце XIX – начале XX в. / В.Н. Крылов // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Междунар. Науч. конф.: 10-11 ноября 2004 г. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. – С. 419-423. (0,4 п.л.) ISBN 5–211–06040–7

41. Крылов, В.Н. И. Коневской как литературный и художественный критик 1890-х годов / В.Н. Крылов // Забытые и второстепенные критики и филологи XIX – XX веков. – Псков: ПГПУ, 2005. – С. 126-130. (0,4 п.л.) ISBN 5–86143–003–6

42. Крылов, В.Н. (рец.) // *Kritikon Litterarum*. 2006. – Н. ½ (33). – S. 43-46. – Рец. на: Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. (0,3 п.л.)

43. Крылов, В.Н. Теоретические аспекты изучения проблемы автора в литературной критике / В.Н. Крылов // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 1. – Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. – С. 262-263. (0,4 п.л.) ISBN 5–94359–172–2

44. Крылов, В.Н. Поэтика критической прозы символистов (специфика проявления авторского начала) / В.Н. Крылов // *Caucasus Philologia*. – Пятигорск. – 2006. - № 1. – С. 103. (0,2 п.л.) ISBN 5–89966–557–2

45. Крылов, В.Н. Модернизм / В.Н. Крылов // Русская литература XX – XXI веков: Учебное пособие для абитуриентов. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. – С. 60-66. (0,5 п.л.) ISBN 5–98180–304–5

46. Крылов, В.Н. Вопросы теории критики в эссеистике О. Уайльда и русских модернистов (типологические параллели) / В.Н. Крылов // Русская литература в межнациональных связях и взаимодействиях: Коллективная монография. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – С. 182-189. (0,6 п.л.) ISBN 5–94712–018–6

47. Крылов, В.Н. Эволюция заглавий в русской литературной критике XVIII – XX вв. (опыт типологического сопоставления) / В.Н. Крылов // Русская и сопоставительная филология'2006. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. – С. 320-325. (0,4 п.л.) ISBN 5–98180–351–7

48. Крылов, В.Н. Розанов в 1880-е годы (становление метода и стиля критики) / В.Н. Крылов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 148, кн. 3. – С. 240-246. (0,5 п.л.) ISSN 1815–6126

49. Крылов, В.Н. Типология заглавий в литературной критике XX – XXI веков / В.Н. Крылов // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. Материалы второй Междунар. науч. конф. 16-17 нояб. 2006 г. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. – С. 434-438. (0,4 п.л.) ISBN 5–211–05307–9

50. Крылов, В.Н. Предисловие как жанр символистской критики / В.Н. Крылов // Малые жанры: Теория и история: Сб. науч. ст. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2006. – С. 118-134. (1,1 п.л.) ISBN 5–7807–0596–8

51. Крылов, В.Н. Синтез литературы, эссеистики и критики в русском символизме / В.Н. Крылов // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф. (3-6 мая 2006 г.). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. – С. 418-423. (0,5 п.л.) ISBN 5–7464–14

52. Крылов, В.Н. Формы выражения авторского сознания в литературно-критических статьях символистов / В.Н. Крылов // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – №3. – С. 122-124 (0,3 п.л.) ISSN 1993-5552